

Чаем воскресения мертвых

Предисловие

За эту работу я берусь под глубоким впечатлением от книги Н. Т. Райта "Воскресение Сына Божьего". Книга выходила бумажным тиражом, успела стать библиографической редкостью. А мне пришлось довольствоваться лишь сетевым изданием. И очень жалею, что многим христианам в России книга так и останется не доступной, не только потому, что ее трудно достать, но и потому, что трудно ее прочесть. Книга предназначена все-таки не для простого массового читателя. Это монография для специалистов. Она не должна оказаться для христианина первой его книгой по библеистике. И объем, и уровень книги достаточно высоки. И все-таки, мне кажется, популярный пересказ важнейших положений книги важен и нужен всякому христианину.

Райт – ведущий библеист современности, отстаивающий в целом святоотеческое, традиционное понимание Библии против либеральных и гуманистических ее толкований. В данной книге, что особенно ценно, он выступает, кроме того, еще и как добросовестный историк и патролог. По своей теме, о воскресении Христа и общем воскресении, он перелопатил буквально все первоисточники: и библейские, и около-библейские, апокрифические, и буквально всех ранних отцов Церкви, святых и не причисленных к святым, а также сообщения дохристианских и нехристианских авторов, языческих, иудейских, гностических... В итоге получилась огромная монография, одних только библиографических ссылок в которой за две с половиной тысячи! И конечно, представить ее краткий реферат в самых ключевых и интересных моментах – дело интересное и стоящее.

Впрочем, конечно, ограничиться одним только пересказом у меня не получится. Некоторые соображения приходят на ум по ходу дела.

Введение

Итак, главный вопрос религии вообще - это вопрос о посмертии. Слишком уж тяжел факт смерти человека своей всеобщностью, неотвратимостью. И есть все основания к тому, чтобы признать вопрос о вечности главнейшим религиозным вопросом. Даже резче: если религия не занимается этим вопросом, то она ложна и никому не нужна. В истории это было не совсем так, как увидим далее, но для христианина в его собственной духовной жизни все именно так и обстоит. Или должно обстоять. Но тут есть несколько важных деталей.

Первая состоит в том, что человек умеет отмахиваться от проклятого вопроса о смерти и посмертии самым простым способом - его игнорированием. Уходит в заботы житейские, в поток внешних впечатлений. И так продолжается до тех пор, пока Бог Сам напомнит об этом человеку самыми разными способами.

Вторая деталь в том, что, даже ведя церковную жизнь, любой конкретный христианин (допустим, православный) имеет массу поводов и здесь забыться так, чтобы совершенно не думать о вечности. Современная православная церковь в России заставляет суетиться и прыгать, благотворить, служить, паломничать, общаться, общаться и общаться. Тут часто становится не до мыслей о вечности. Для них все-таки нужен какой-то пенек в лесу, на который пора присесть и задуматься. Но эта роскошь в современном мире существует для немногих, и даже из них-то не очень

многие спешат воспользоваться такой возможностью.

В результате возникает странное наблюдение. Может быть, другие его не подтвердят, но мне оно кажется довольно четким. Чем ближе человек приближается к Порогу, и чем больше он привык к церковной жизни, тем крепче бывает у него жизненная мотивация, она усиливается с годами. Он реально не хочет уходить. И окружающие тем более не хотят его отдавать. И церковь, имеющая арсенал молитв за здоровье, пользуется этим арсеналом отнюдь не прохладно. Получается несколько противоестественно: молодой человек приходил в церковь, пронзенный мыслями именно о смерти и вечности, нашел здесь вроде бы ответы на проклятые вопросы, а когда он же, пройдя несколько десятилетий, приближается к концу, то здесь-то и приходят сомнения, апатия в отношении вечности, - и все это на фоне усиливающегося желания еще пожить на земле.

Почему у молодых жизненная мотивация слабее развита, чем у старых? Молодые легче рискуют, чаще отдают свою жизнь в героической ситуации или же в безумном самоубийстве. Молодые не заботятся о здоровье, у них хуже выстроены жизненные планы. Казалось бы, все должно быть ровно наоборот. И повторим, этот парадокс касается именно верующих людей. Хуже того, сомнения о вечности, когда они приходят к православному христианину, практически никогда не бывают у него предметом признания на исповеди. Пожилые люди от этих мыслей элементарно отмахиваются, и тем удобнее это делают, чем более важных и нужных забот подсовывает им земная жизнь.

Нет у пожилого человека этого самого пенечка в лесу! Колесико жизни закручивает саму белку. Для белки в колесе торможение является более трудной проблемой, чем разгон. Наблюдали Вы это с реальной белкой?

Но и это еще не все.

Болезни свои и болезни ближних, смерть ровесников постоянно напоминают о самом главном. Но и тут человек ухитряется не примечать Лес Вечности за деревьями забот. Медицинские вопросы и вопросы служения ближним отбирают все силы, в том числе умственные, а их самих становится с годами все меньше. Смерть тербит каждого из нас, все громче постукивая косой и клюкой, и мы слышим этот стук, понимаем его, что это такое, от кого и зачем. Но сам этот стук в какой-то мере провоцирует нас на отпор, как раненного Василия Теркина, замерзающего на снегу. Мы включаем защитные механизмы, мы сопротивляемся, бьемся, трепыхаемся. И хотя это по ситуации вроде оправдано, но очевидна и потеря. А она состоит в том, что мы не готовимся к вечности, не готовимся к ней целенаправленно, с применением умственных, сердечных, молитвенных сил.

Жизнь показала мне немало таких примеров: и того, как умирающий молодым о вечности думает, и того, как умирающий старым о ней не думает, хотя этот старый гораздо больше времени был верующим и церковным человеком, не каким-то блюстителем обрядов, а именно жившим внутренней духовной жизнью.

Поэтому, естественно, как человек, общающийся преимущественно с пожилыми и умирающими, я хотел бы именно им в первую очередь предложить свой лесной пенек. Я не осуждаю пожилых за все замеченное, понимаю, что, несмотря на парадоксальность, перед нами естественный ход событий. И тут не тот случай, когда, надавив на совесть, призвав и построив в ряды, пастырь мог бы оказывать влияние. Здесь совсем другое. Здесь не напрягаться нужно и не напрягать другого, здесь нужно отдохнуть от напряжений. Здесь нужно снимать напряжения. Для этого пеньки в лесу и придуманы.

Именно с годами меня самого все больше захватывает то же самое искушение.

Можно сказать, все лучшие годы были посвящены именно проповеди о вечности, о том, как Иисус Христос нам ее открыл. Но чем больше в это вкладываешь собственных сил, тем больше почему-то охватываешься общей закономерностью: надо как-то сегодня оказываться полезным пожилым и умирающим, а это означает суету и беготню. И одна за другой приходят мысли: а что если **там** просто откроется пустота? Не было ли все мое прошедшее служение слову о вечности всего лишь психотерапией для умирающих и не более? И даже не для них, а для самого себя?

Когда такие мысли приходят, как собственные или под видом собственных, уже не тянет осуждать кого-то другого за неверие. Но все-таки, согласитесь, это серьезный повод к раздумьям.

И вот сейчас, пока ни самого еще болезнь не свалила на одр, ни из ближних пока, на какой-то период, на одре еще никто не лежит, - давайте же присядем и отдохнем.

ЧАСТЬ 1

Посмертие в библейских канонических книгах

Но отдохнем мы, конечно, с Книгой в руках. Откуда *"есть-пошла"* сама мысль о каком-то посмертном бытии?

Н. Т. Райт перелопатил в своем труде книги разных народов, окружавших Израиль, и нигде не нашел идеи воскресения из мертвых. Как он выразился, смерть – это улица с односторонним движением. Люди уходят в ту страну, из которой на землю возврата нет. Они никогда и ни в каком виде не вернутся назад. Они в очень редких случаях в виде неких призраков или теней могут являться живущим на земле и передавать им некую информацию, но это никак не предполагает возвращения. Не нашел Райт в древних книгах и того, чтобы посмертная жизнь в языческом мире считалась бы отрадной, чем-то утешительным после земных страданий.

Отметим, что древняя египетская религия целиком погружена в культ мертвых. Египетская "Книга мертвых" там была своеобразной библией. Построение человеку относительно благополучного посмертия осуществлялось через подготовку роскошного погребения. Живые люди (и в частности, поработанные евреи) приносили мертвым такие невыразимые материальные и трудовые жертвования, которые никогда не воздавались живым. Дары плодов земных тоннами погребались в могилах, между тем, как живым людям от этих богатств доставались лишь крошки.

Удивительно ли после этого, что Израиль возненавидел эту отвратительную религию смерти и возжелал иметь религию жизни!

И самое главное убеждение евреев (и вообще, людей библейского мира, таких, как Иов и его друзья) заключалось в том, что мир, сотворенный Богом, является хорошим миром. В библейском монотеизме, вообще, три главных идеи: во-первых, Бог Един, во-вторых, Он есть Творец мира, в-третьих, Он есть Творец **хорошего** мира, а не плохого. Нигде в языческих космогониях этого нет. Бог там не един, мир возникает в результате эволюционно-диалектического процесса, столкновения неких стихий (или борющихся богов), и в итоге мир получился крайне несовершенным. И это еще мягко говоря.

Последнее наиболее важно. И это подчеркивает Райт.

Материальный мир в библейском понимании таков, что он достоин Божией заботы. Несмотря на то, что мир этот испорчен грехом и смертью, он все-таки подлежит и восстановлению, и исправлению. Частью этого мира является человеческое тело, которое тоже есть прекрасное творение. И поэтому (забежим

вперед) только в иудейской традиции проповедуется воскресение из мертвых. Воскресшие люди придут в своих телах, хотя преображенных и очищенных.

И все это именно потому, что материальный мир – хотя бы только по своей идее – вполне достоин своего прекрасного Творца. Таково библейское понимание.

А в языческих религиях воскресения мертвых во плоти не просматривается и не предполагается. Все материальное здесь, как потребляемое смертью и тлением, не считается достойным божественного внимания. Со времен Платона (но не только у него) человеческое тело во всей греческой философии (и не только в греческой) почитается темницей для души, освобождение из которой есть добро. В результате хоть что-то утешительное по смерти, в виде аида, нирваны или чего-то в этом роде, видится лишь для бессмертной души, которая нетленна лишь потому, что не материальна. Загонять эту душу обратно в темницу материального тела представляется делом не только абсурдным, но и, так сказать, безнравственным, злым. Скорее наоборот, в самоубийстве античный философ не видел ничего предосудительного, а порою совершал этот шаг и склонял к нему других, видя в смерти тела освобождение души.

Вот коренное различие между иудейским и языческим отношением к посмертию. И восходит оно именно к самой первой странице Библии, где написано, что сотворенный Богом мир был **весьма хорошим** (Быт.1, 31).

Вот это различие нам нужно хорошенько запомнить на будущее, ибо возвращаться к нему придется не раз. Райт разбирает разные античные воззрения, начиная с Гомера, и его цель состоит в том, чтобы показать, что языческий мир времен Иисуса Христа был бесконечно далек от идеи проповедовать о том, что некий выдающийся человек, современник событий, умирал, а затем «воскрес из мертвых» в том смысле, что обрел блаженное бессмертие именно таким способом, то есть, развоплощением и освобождением от темницы тела, а затем оживлением этого же тела. Разбор приводится достаточно широкий, чтобы прийти к здравому историческому выводу: тогдашний языческий мир историю про воскресение Иисуса Христа, как оживление в теле, придумать бы точно не мог. Еще менее он мог бы привлечь к этой идее хотя бы каких-то последователей.

Что же касается Израиля, то и в нем мысль о воскресении мертвых была далеко не первичной, не всеохватной, была достаточно поздней. Израиль к этой мысли пробивался целыми веками и очень не простым путем. Далее мы и постараемся осмотреть именно этот путь, оставив Гомера и Книгу мертвых любознательным читателям Райта.

В упрощение нашей задачи Райт рассмотрел все те места Библии, где можно найти хотя бы какие-то мысли о посмертных воздаяниях, - благо она такими местами не перегружена. Имеет смысл остановиться на каждом из отрывков чуть подробнее, а затем собрать во едино свои наблюдения.

Иов, глава 19

Мы начнем в хронологическом порядке написания библейских книг, осмотрев сначала именно книги канонические, а затем остальные.

И первым по времени источником, несомненно, является Книга Иова. Я соглашусь с доводами Д. Щедровицкого и Е. Авдеенко о древности этой книги. Эпилог книги в варианте 70 толковников (греческий перевод III века до Р. Х.) свидетельствует, что Иов был пра-правнуком Авраама, а значит, жил задолго до Моисея и до становления Израиля как народа. К тому же происходил Иов не по

линии Иакова (Израиля), а по линии его брата Исава. В книге нет никаких намеков на Израиль, на закон Моисея, нет имен известных библейских патриархов. Единственное библейское, что в ней есть - это библейское мировоззрение. Книга Иова обрисовывает нам разных животных и каждая такая картина служит к прославлению Творца, Его могущества и заботливости. Хотя, разумеется, животные там не суть главные герои, книга совсем о другом. Но она, не менее первой главы Бытия, прославляет нам именно Творца, создавшего хороший мир. Креационисты, люди отстаивающие идею сотворения мира, часто цитируют Иова, эта книга у них (у нас) в большом почете.

Удивительно оно или нет, но именно в этой книге мы встречаем и первое свидетельство о воскресении, причем свидетельство с надеждой. Согласитесь, что в таком вопросе надежда - это самое главное! Итак, читаем:

А я знаю, - говорит Иов, - Искупитель мой жив, и Он в последний день восстановит из праха распадающуюся кожу мою сию, и я во плоти моей узрю Бога. Я узрю Его сам, мои глаза, не глаза другого, увидят Его. Истаеет сердце мое в груди моей! (Иов. 19, 25-27).

Во всей книге отрывок уникален, ничего подобного больше не повторяется. Разумеется, возникает вопрос: аутентичен ли отрывок, соответствует ли он оригиналу, или является позднейшей вставкой? И второе: действительно ли Иов верит в телесное воскресение мертвых?

Что касается первого вопроса, то он не столь уж важен. Если бы речь шла об историческом событии, оказавшем на судьбы мира определенное влияние, то действительно, стоило бы подумать: нет ли оснований подозревать подделку в рассказе. Но перед нами все-таки нравоучительная поэма. Изначально она и не планировалась, как историческая хроника. Весь сюжет, композиция, герои построены так, что речь должна идти о литературном произведении, а не об исторической хронике. К тому же, в усугубление трудности, следует признать, что в церковной Библии, в переводе 70, Книга Иова имеет много мелких, но достаточно принципиальных отличий от канонического масоретского текста. В тексте 70 все описываемые животные показываются как некие символы сил зла. Оно понятно: в Александрии, где осуществлялся перевод 70, люди тяготели к аллегорическому прочтению. Поэтому бодрый библейский креационизм исходного варианта во многом окрашивался более поздней апокалиптикой и/или демонологией. (За демонологию первой главы, кстати, Книгу стараются датировать более поздним сроком, когда эти вопросы стали актуальны в Израиле, но если даже пари Бога с дьяволом из первой главы выбросить, поэма в своей сути потеряет очень мало. Поэтому, вполне допуская "дьявольскую вставку" в первую главу, мы не получаем оснований саму книгу сделать поздней по времени).

Что же сказать о ключевых словах 19 главы? Являются они поздней вставкой или нет, суть меняется мало. У нас все-таки нет оснований утверждать, что Иов верит в воскресение мертвых. Ведь и после 19 главы он продолжает и свои жалобы и желание судиться с Самим Богом. И нигде больше не высказывает никаких надежд на посмертие. Хуже того: есть там слова Иова, свидетельствующие, что он, похоже, не видит за гробом ничего: *а человек умирает и распадается, отошел и где он? Уходят воды из озера, и река иссякает и высыхает, - так и человек, ляжет и не встанет, до скончания неба он не пробудится, и не воспрянет от сна своего (Иов, 14, 10-12).* Финал книги тоже не рисует Иова, увенчанного нетлением в Царстве Божию. Более того, если внимательно вчитаться в приведенные три строки о восстановлении кожи, мы увидим иное. При желании эти строки можно прочесть так,

что к последнему дню искушения, испытания Иова Искушитель восстановит распадающуюся кожу его, то есть, исцелит его на земле, исцелит именно болезнь его кожи. Без всякого перехода через смертный порог. Иными словами, Иов просто предсказывает свое выздоровление. Предположение тем более вероятное, что финал книги показывает именно это: Иов выздоровел и приобрел вдвое больше богатств на земле, чем было отнято у него.

И все-таки, верующая душа не может во всем согласиться с таким "саддукейским" прочтением!

Недавно видел я в провинциальном книжном магазине плакат с цитатой неизвестного мне автора, что хорошая книга дает читателю нечто большее, чем сам автор хотел бы вложить в нее. Если такое можно подметить о вполне светских книгах, то не тем ли более о книгах священных. Понятно, что у каждой библейской книги есть автор, иногда есть подозрение, что их двое (Исаия), почти никогда нет сомнений, что после автора над текстом работали редакторы. Характер автора отражается на книге. Его мировоззрение, его надежды и горести - все это личное в каждой библейской книге есть. Но иногда в книгах Библии встречаются такие мысли, которые сам автор (и это почти очевидно) едва ли разделяет сам, или уж точно не мучится этими мыслями, не они в центре его повествования или увещания. Тем не менее, эти мысли есть, они выражены очень прямо, очень ярко и берут читателя за самое сердце. Разве это не наталкивает на мысль, что за библейским автором стоял более важный Автор, и пишущую трость Он иногда направлял по своим неизведанным путям?! Конечно, не стану спорить, такое случалось не столь часто. Бог, как Соавтор, проявлял деликатность, порой явно большую, нежели последующие редакторы библейского автора. Пусть так. И все же, Соавтор у Иова и у других библейских авторов явно был. Он все держал на контроле, а читателям - в том числе и нам с вами - оставлял в книге свои закладки.

Давайте, кстати, так их и назовем, - эти цитаты, подобные приведенной. Можете заложить в своей Библии все те места, что мы разберем далее - и поверьте, вы в этих закладках не слишком запутаетесь. В Ветхом Завете их будет не так много.

Потому что главный Автор деликатен, и Он не спешит.

В итоге Книга Иова сказала нам больше, нежели хотел сказать ее автор. Пора перейти к следующей закладке.

Осия, 13, 14

Не помню ни одного пасхального послания от патриархов или епископов, где бы ни цитировались ниже приводимые слова. Цитирует их и апостол Павел в знаменитой главе о воскресении мертвых, цитируют их святые отцы в пасхальных словах. Они стали знаменем, они стали самой расхожей пасхальной цитатой:

Смерть, где твое жало! Ад, где твоя победа! (Ос. 13, 14).

Но не поленимся раскрыть книгу Осии и прочесть всю главу. Оптимизма, поверьте, у вас заметно убавится.

Пророк обличает Израиль и отдельно колено Ефремово за разные беззакония, за измену Богу. Об этом речь идет и до приведенной закладки, и тотчас после нее, до скорого конца самой книги. Предсказывается иссыхание источника Ефрема (13, 15), предсказывается опустошение Самарии (14, 1). В общем, грустная картина, никак не выходящая за рамки событий этого мира, его посюсторонних событий, притом не самых светлых.

В итоге весь смысл закладки в ее контексте сводится к тому, что кто-то из

израильтян на некоторое время будет защищен от временной смерти. Это все. Но слова эти не прошли незамеченными. Трудно поверить, будто Павел сам лично, раскапывая одну пророческую книгу за другой, нашел бы эти две строчки. Скорее, эти строки уже вошли в традицию прочтения Писаний, в традицию, современную Павлу и предшествующую ему. Это, скажем теперь определенно, традиция фарисеев. Исторически фарисеи суть те евреи, которые поверили в воскресение мертвых, и основания своей вере они искали в Писаниях. О них мы скажем подробнее дальше, а пока поделюсь лишь таким соображением. Сам Павел уверовал в Иисуса Христа не иначе как на основе своей веры в грядущее воскресение мертвых. По этой же причине среди ранних христиан мы встречаем бывших фарисеев (Иосиф, Никодим, Гамалиил), а среди других иудейских партий - вроде бы, никого, примкнувшего к "партии Иисуса". Впрочем, не станем забегать вперед.

Перед нами опять та же история. Фраза пророка обогнала его собственную мысль, и стала формулой. Причем, стала таковою еще до христианских времен.

Исаия, главы 25 и 26

Еще одним пророком до вавилонского плена был Исаия. Книгу Исаии принято разделять на две части: до 40-й главы - первая, написанная до пленения Израиля, а остальное – вторая. Автор первых сорока глав занят, главным образом, отступничеством Израиля от своего Бога - и потому справедливо считается ранним пророком, совершавшим свое служение при царях Иудейских: Озии, Иофаме, Ахазе и Езекии, как и надписал в начале своей книги. Автор оставшихся глав говорит о возвращении Израиля, о грядущей славе Иерусалима и даже поминает персидского царя Кира по имени, и потому считается другим пророком, жившим уже после плена. В любом случае, мы рассматриваем Исаию первого, раннего пророка.

Его чаяния воскресения мертвых выражаются в той же форме, что у Иова. Это тоже две тоненьких закладки: пророческие фразы, не связанные со своим контекстом и не выражающие четко обоснованную позицию автора.

Вот они. Первая закладка.

Поглощена будет смерть на веки, и отрет Господь слезы со всех лиц и снимет поношение с народа своего по всей земле (Ис. 25, 8). Спустя века процитирует это место почти дословно Тайнозритель Иоанн - см. Откр. 21, 4.

Вторая закладка лежит на соседней странице. Ее придется привести чуть подробнее. Отметим, что православному читателю именно эти строки должны быть знакомы. Еще в глубокой древности христианские монахи из всей Библии выделили десять песен - поэтических отрывков, которые со временем легли в основу канона. Канон на утрени положено читать почти весь год, опираясь на стихи именно этих песен. Так вот, пятая из десяти песен и содержит приводимый ниже отрывок, и хотя бы по пятницам в великом посту она читается по всем церквям. Поэтому в скобках приведем знакомый читателю славянский вариант, как водится, несколько отличающийся, ибо переведен с текста 70:

Мертвые не оживут, рефаимы не встанут, (мертвии живота не имеют видети, ниже врачеве воскресят), потому что Ты посетил и истребил и, и уничтожил всякую память о них... Как беременная женщина при наступлении родов мучится, вопит от болей своих, так были и мы пред Тобою, Господи. Были беременны, мучились - и рождали как бы ветер, спасения не доставили земле, и прочие жители вселенной не пали. Оживут мертвецы твои, восстанут мертвые тела.

Воспряните и торжествуйте, поверженные в прахе, (воскреснут мертвии и восстанут сущии во гробех и возвеселятся иже на земли), ибо роса твоя - роса растений, и земля извергнет мертвецов (земля же нечестивых падет) (Ис. 26, 14-20).

Уже разночтения между двумя вариантами текста свидетельствуют, что отрывок не прост в прочтении и понимании. Однако при любом варианте перевода никуда не деть тот факт, что 14-й стих (нет воскресения) очевидно противоречит 19-му (воскресение будет). Поэтому затруднительно сказать, верит ли сам Исаия в грядущее воскресение всех мертвых, но зато, как и в предыдущих случаях, легко увидеть, что воскресение - совсем не главная тема его созерцаний и обличений. Сложно другое - для данного случая придумать такое прочтение текста (как тогда к 19 главе Иова), в котором слова о воскресении можно было бы применить к чему-то вполне земному, например, исцелению кого-то от чего-то. Так не получается: текст говорит все-таки о воскресении погребенных в земле мертвецов и ни о чем другом. Но опять же, отрыв от прочего контекста, делает эти строки формулой и закладкой. Снова создается впечатление, что Исаия произнес эти слова непроизвольно, а потому не он этим словам автор - иначе бы не допустил противоречия самому себе в одном абзаце. Настоящий их Автор, похоже, опять стоит за кадром.

Великая Паремия о костях – Иезекииль, гл. 37

Всякая православная душа на этом чтении вспомнит и содрогнется. Великая суббота. Пропеты погребальные стихи над плащаницей Спасителя, канон великой субботы. Крестный ход с плащаницей обошел храм. Мысленно мы, как бы сами с Иосифом, Никодимом и ученицами Христа совершили Его погребение. И вот здесь, с первым лучом весенней субботней зари звучит это великое пророчество, единственное в своем роде во всей Библии.

Была на мне рука Господня, и Господь вывел меня духом и поставил меня среди поля, и оно было полно костей, и обвел меня кругом около них, и вот весьма много их на поверхности поля, и вот они весьма сухи. И сказал мне: сын человеческий, оживут ли кости сии? Я сказал: Господи Боже! Ты знаешь это. И сказал мне: изреки пророчество на кости сии и скажи им: "кости сухие! слушайте слово Господне!" Так говорит Господь Бог костям сим: вот, Я введу дух в вас, и оживете. И обложу вас жилами, и выращу на вас плоть, и покрою вас кожею, и введу в вас дух, и оживете, и узнаете, что Я Господь. Я изрек пророчество, как повелено было мне, и когда я пророчествовал, произошел шум, и вот движение, и стали сближаться кости, кость с костью своею. И видел я: и вот, жилы были на них, и плоть выросла, и кожа покрыла их сверху, а духа не было в них. Тогда сказал Он мне: изреки пророчество духу, изреки пророчество, сын человеческий, и скажи духу: так говорит Господь Бог: от четырех ветров приди, дух, и дохни на этих убитых, и они оживут. И я изрек пророчество, как Он повелел мне, и вошел в них дух, и они ожили и стали на ноги свои - весьма, весьма великое полчище (Иез. 37, 1-10).

Ничего другого, кроме будущей картины последнего дня не видится за этим описанием. Да, все именно так и должно сбыться, именно на это мы и надеемся, именно этого и ждем, когда наши собственные кости рассыпаются и усыхают. Вот, кажется, именно то, что можно было бы назвать прямым библейским учением. Но, увы, все неоднозначно даже здесь. Дело в том, что на этих словах отрывок не кончается, а продолжение... Вот оно:

И сказал Он мне: сын человеческий! Кости сии - весь дом Израилев. Вот, они говорят: "иссохли кости наши, погибла надежда наша, мы оторваны от корня". Посему изреки пророчество и скажи им (теперь уже не костям, а своим соплеменникам в вавилонском плену! - с. Т.): так говорит Господь Бог: вот, я открою гробы ваши и выведу вас, народ мой, из гробов ваших и введу вас в землю Израилеву. И узнаете, что Я - Господь, когда открою гробы ваши и выведу вас, народ мой, из гробов ваших, и вложу в вас дух Мой, и оживете, и помещу вас на земле вашей, и узнаете, что Я - Господь, сказал это - и сделал, - говорит Господь (Иез. 37, 11-14).

Что удивляться, если теперь из-под коряги вылезет толкователь-саддукей и скажет: ну, это же видение-притча! Это не о воскресении мертвецов, а об оживлении духовном тех людей, которые иссохли духом в чужой земле, потеряв надежду возвращения домой. Только их и взбодрил здесь пророк.

И если бы Иезекииль не произнес стихов 11-14, такие речи не стоили бы внимания. Ныне же весьма непросто от них отмахнуться.

Все это верно. Но и Райт свидетельствует об иудеях той эпохи, и здравый смысл свидетельствует для нас самих: одно и другое толкование паремии, и буквальное воскресение мертвых, и национально-политическое собрание Израиля, - не стоят в прямом противоречии друг с другом. Они не исключают друг друга. Более того, во времена Христовы евреи верили, что эти события просто совпадут: Израиль будет собран, умершие его люди воскреснут, и жизнь в Святой Земле только и начнется в том виде, как ее задумал и дарует Бог. Причем все это произойдет, как одно большое событие.

Так и для нас теперь, что заставляет нас исключить весть о воскресении, перечеркивая ее политическим предсказанием для израильского народа? Ничто не заставляет. Даже если (в это уже трудно поверить, но допустим на минуту), сам пророк все-таки не верил в буквальное воскресение мертвых, и имел в виду только политическую составляющую пророчества, даже в этом случае, Бог, говоривший с ним, не мог ли Он вложить в уста пророка более глубокий и торжественный смысл? Что мешает нам увидеть здесь пророчество о воскресении, что мешает нам увидеть здесь снова Божие авторство, а не просто надежду человека-пророка?

Ничто не мешает.

Современники-спорщики, верующие и не верующие в воскресение мертвых, наверняка, кончали бы спор свои словами: поживем-увидим, Бог нам покажет. Правильное решение! Они не дожили еще тогда до той великой субботы. А мне думается, что именно в те пасхальные дни Бог Сам все рассудил и показал людям, что конкретно Он имел в виду, когда говорил с пророком Иезекиилем. Но об этом разговор впереди.

Однако же, "лазейка для саддукея" при разборе этого текста все-таки остается, и забывать об этом тоже не следует.

Даниил, глава 12

Иезекииль жил во времена Вавилонского плена. О тех же временах рассказывает и книга пророка Даниила. Но современные библеисты единодушно относят ее написание к более поздним временам, с чем мы не станем тут спорить. Допустим, это уже период после плена. Евреи именуют его эпохой Второго Храма (первый был построен при Соломоне и потом разрушен, а второй отстроен при Неемии и Ездre). Христиане именуют это время межзаветным периодом, полагая, что первый завет

заключен с Израилем при Моисее, и разрушен самим фактом вавилонского плена, а второй завет, новый завет Иисуса Христа. Вот и получается межзаветный период. Эпоха самая интересная для нашего вопроса. В это время иудеи ознакомились с воззрениями и персов, и греков - в расцвете культурного богатства последних. И началось в еврейском народе великое брожение мысли, богатый на творческие успехи период. Это же время дало Иудее своих героев, мучеников, исповедников, числом, вероятно, больше, чем во все времена царств. По объективным историческим оценкам, если когда-то и был золотой век еврейской мысли - то именно межзаветный период. Такого больше не было ни прежде, ни после.

И именно вопрос вечных воздаяний стал здесь в самый центр, вызвал широкую полемику.

Пожалуй, последняя из канонических книг, в которой положительно решается вопрос воскресения мертвых - это книга Даниила, когда бы ни была она написана.

Нынешнюю закладку саддукею из Библии трудно будет выдернуть. Судите сами. После разговора о бедствиях последнего времени идет такой текст:

И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление. И разумные будут сиять, как светила на тверди, и обратившие многих к правде, как звезды, во веки, навсегда (Дан. 12, 2-3).

Здесь вроде бы все сказано совсем ясно: и приточное толкование не проходит, и политический смысл тоже сюда не пролезет. Кроме того, важно, что Даниил (то есть, автор этой книги, кем бы он ни был) явился родоначальником жанра апокалиптики. Иными словами, дал развернутую картину окончания этого века, грядущего явления Бога на суд (причем этот суд передается таинственному Сыну Человеческому) и открытия Божьего Царства. Апокалиптика - это как раз различные откровения, созерцания и прозрения на эту самую тему. На фоне всей этой тематики пророчество о воскресении мертвых выглядит вполне уместным, вписывающимся непротиворечиво во весь этот рассказ.

Добавим, что во времена Иисуса книга Даниила пользовалась широкой популярностью. Аллюзии на нее, начиная с образа Сына Человеческого, грядущего на облаках, Иисус приводил без всяких пояснений, - а так делается лишь в том случае, если сам текст общеизвестен среди всех слушателей.

Идея воскресения мертвых, да и просто мысль хотя бы о каком-то посмертном воздаянии постепенно пробивала себе дорогу в культурном еврейском пространстве. Однако же, эта идея встречала не только поддержку в еврейских сердцах, но порою и очень сильное сопротивление. В межзаветный период складываются две основных богословских партии: фарисеев и саддукеев. Мы привыкли вслед за евангелистами понимать под фарисеями религиозных лицемеров и ритуалистов. Но это не есть характеристическая черта этого движения. И фарисеи, и саддукеи (да и прочие евреи) в те времена стремились сохранить свой завет с Богом, стремились исполнить Его закон - заповеди Торы, стремились лучше вникнуть в этот закон посредством галахи - тщательно разработанной ритуальной системы. Тех и других, ритуализм поневоле искушал религиозным лицемерием, иначе и быть не могло, это естественный ход вещей. Те и другие ждали пришествия Мессии, восстановления Израиля и наступления на земле Царства Божия. Разница была одна и вовсе не по пустячному поводу.

Фарисеи верили в воскресение мертвых, и, разумеется, верили, что пророки (в тех местах, что мы привели) об этом сказали. Саддукеи не верили, что приведенные места говорят о воскресении или даже о посмертном бытии человека в каком угодно виде. И сверх того приводили из Писаний много мест в свою пользу, о том, что

мертвые - просто мертвы. А эти места мы еще не рассматривали. Вот именно в этом вопросе обе партии радикально расходились между собой, что отмечено, между прочим, и в Новом Завете (см. напр. Деян. 23, 8).

Обоснование саддукейства

Итак, свидетельства Писаний в пользу идеи о воскресении мертвых мы выслушали. Теперь должна быть выслушана и другая сторона. Мы вновь рассматриваем ту литературу, которая предшествует или непосредственно примыкает к межзаветному периоду.

Нужно признать, что здесь свидетельств будет гораздо больше. И прежде всего, в этом отношении важна сама Тора - Пятикнижие Моисеево.

Да будет о нем известно то, к чему ученые-библеисты пришли согласно и достаточно давно, а простые верующие в известность так и не были поставлены. Тора, в том виде, как мы ее имеем и как ее читали во времена Иисуса - памятник достаточно поздний. Мы читаем ее в неоднократной редакции. Большинство библеистов полагают, что она сшита из четырех прежде бывших письменных источников. Не станем в это вникать, однако совершенно неоспоримы доводы, заметные любому внимательному читателю.

Дело в том, что ранние пророки, судя по описаниям их жертвоприношений, абсолютно не имели понятия о всей той системе левитского священства, что описана в Торе. Во времена пророков жертвы Яхве мог приносить кто угодно (а не только священник или левит), где угодно (а не только в скинии или храме), и из чего угодно (а не только из чистого скота по всей левитской системе). И такие жертвы Богом принимаются (как, например, жертва Илии на Кармиле). При этом становится очевидным, что всю ритуальную систему Торы во времена Моисея, во времена Завоевания и Судей вообще невозможно было исполнять чисто по техническим причинам.

Отсюда библеистами делается вывод, что последняя редакция Торы, дошедшая и до нас, это произведение, приготовленное, так сказать, к открытию Второго Храма, а не первого, то есть, она восходит почти к межзаветному периоду, а значит, - и это для нас теперь важнее всего, - она неизбежно несет на себе отпечатки мыслей человека уже межзаветной эпохи по интересующему нас вопросу.

Уже стало традицией таким последним редактором Торы считать Ездру, который сам себя в своей книге (Первая Ездры) называет именно книжником, и именно ему приписывается восстановление книг Закона по возвращении из плена. В каком-то неформальном смысле Ездра может считаться дедушкой всех саддукеев.

Конечно, у нас не возникает сомнений, что какие-то книги "прото-Торы" существовали в письменном виде во времена царств. Конечно, немало должно было быть тех евреев, которые большими отрывками знали эти книги наизусть. Они могли дожить и до времен Ездры. Поэтому Ездру никак не следует ставить прямо на авторское место Моисея, но все-таки последняя редакция Торы принадлежит ему - и в наши времена с этим всерьез уже не спорят.

С учетом сказанного, нисколько не удивительно, что Тора не только запрещает любые обращения к мертвым, и даже самую мысль о том, что умершие в каком-либо виде или статусе "чутьочку живы" - и это правильно, - но важнее то, что Тора дает и позитивное обоснование саддукейской позиции. Об этом мы скажем подробнее чуть ниже, потому что это очень важный вопрос, касающийся религиозной мотивации, и в самой упрощенной постановке звучащий так:

Стоит ли служить такому Богу, который ничего особенного за гробом не обещает и никому не дает?

Но прежде, чем подойти к позитивным обоснованиям саддукейства, мы еще раз подчеркнем его негативные основания, которые уже отметили и с которыми согласимся.

От чего отталкивается, от чего убегает саддукей, плотно закрывая окно в загробный мир? Это египетский культ смерти, прямо-таки убивающий всякую земную радость, и это опасность впасть в общение с чужими богами и духами тьмы (которые уже в псалмах отождествляются друг с другом), то есть самым прямым и непосредственным образом нарушить первую и вторую Божии заповеди, изменив Святому Израилеву. Повторим: такая позиция вполне понятна, разумна, законна, мы ее не оспариваем. На каком-то этапе она, очевидно, внушена Израилю Самим Богом через пророков, начиная от Моисея.

Но вот в том-то и дело, что лишь на каком-то этапе!

А не может ли на другом этапе найтись другое религиозное решение, когда ради избежания опасности спиритизма и колдовства уже не потребуется такая высокая жертва, как отказ от веры в блаженную вечность? Посмотрим.

Но прежде все-таки мы увидим, что у пророков и в псалмах (а это книги более ранние в сравнении с Торой последней редакции) вполне достаточно прямых отрицаний загробной жизни, причем высказаны эти отрицания в наиболее напряженной и искренней форме - в молитве. Например, псалмопевец умоляет Бога сохранить ему жизнь, потому что мертвые в шеоле не могут славить Бога. *Ибо в смерти нет памятования о Тебе, во гробе кто будет славить Тебя?* (Пс. 6, 6). А здесь еще горше: *Разве над мертвыми Ты сотворишь чудо? Разве мертвые встанут и будут славить Тебя? Или во гробе будет возвещаема милость Твоя, и истина Твоя в месте тления? Разве во мраке познают чудеса Твои, и в земле забвения правду Твою?* (Пс. 87, 11-13). *Не мертвые восхвалят Господа, ни все, нисходящее в могилу, но мы, живые, будем благословлять Бога отныне, и во век* (Пс. 113, 25-26).

И если закладки о воскресении мертвых мы привели с удовольствием и подробным разбором, - потому что их мало и они драгоценны, то подобного рода цитаты не будем приводить все, ибо не сможем этого сделать по их многочисленности. Мы четко видим, что перед нами не "проговорка Святого Духа" через пророка, а реальное убеждение молящегося псалмопевца и многих поколений, воспевающих его псалмы.

Текстуальная саддукейская опора в каноническом Ветхом Завете достаточно прочна. Этого не оспоришь. На ней прочно стоят в своих заблуждениях Свидетели Иеговы и адвентисты.

Еда туне чтит Иов Господа?

И вот, мы подошли к центральному вопросу. Его нередко ставят и теперь, только уже не саддукеи, а прямые атеисты или агностики.

- А если нет у вашего Бога рая, - говорят они ехидным голосом, - стали бы вы ему молиться?

То есть, верующего в посмертные воздаяния выставляют таким большим корыстолюбцем, служащим Богу своему только за толстые и сладкие (хотя еще далекие) пряники, и, разумеется, из-за страха наказаний. А те, кто в библеистике подкован, добавляют, что Авраам, Моисей, Иов, не знавшие ни про какой рай на

небесах, молились Богу, действительно, бескорыстно, а не так, мол, как вы, современные...

Не угадываете ли, кто в Священном Писании первым поставил такой вопрос, который мы для удобства вынесли прямо в подзаголовок? Вообще-то, это слова дьявола, обращенные к Богу с целью клеветы на праведника (см.: Иов 1, 9). Ну, это так, на заметку.

Вопрос важен, звучит он и ныне нередко; он имеет, на мой взгляд, хороший, полный, вполне удовлетворительный ответ. Но ответ этот дается на основании Евангелия, и поэтому мы приведем его позже. А пока рассмотрим другие варианты религиозной мотивации, предлагаемые ветхозаветным Писанием.

Начать с того, что совсем уж без мотивации делать ничего невозможно, ни в каком роде деятельности, в том числе, в религиозной области. По выражению апостола Павла, *кто пашет, должен пахать с надеждою, и кто молотит, должен молотить с надеждою получить ожидаемое* (1 Кор. 9, 10). Так и персонажи Торы все имели или получали какую-то серьезную для них мотивацию. Это нам их мотивация может быть не очень ясна или не очень близка, но они-то сами воспринимали это серьезно. Разумеется, чем выше духовно был человек, тем выше и его мотивация. Авраама можно было призвать в неизвестную страну и пообещать ему благословенное потомство, и он выполнял все, что требовалось без обсуждений. И все же, даже такому человеку Бог вроде бы не дает немотивированных приказаний. А народу, ведомому Моисеем из Египта, обещалась свободная жизнь на плодородной земле. Это пониже, это понятнее. В общем, для каждого мотивация своя. И в Торе она всегда земная, посюсторонняя.

Народу Израиля она преподносится в книге Второзакония. Обещается, что если народ будет слушаться заповедей Божиих, будет счастлив на земле, а если нет, то навлечет на себя бедствия вплоть до потери этой земли. Все благословения и проклятия лежат по эту сторону.

И, строго говоря, это называется **заветом** - священным договором между Богом и человеком. Бог обещает нечто, в данном случае - земное благополучие, а народ Израиля, второй субъект завета, обещает сохранить и исполнить Божии заповеди.

Более того. Мотивация Торы весьма напоминает коммунистическую. Счастливая жизнь на земле для наших детей - это мы слышали еще в детском саду. И эту цель можно подать в очень высоком, героическом изложении: да, мы здесь потерпим голод, холод и разруху, но построим такое светлое будущее, которого сами, быть может, не увидим, но наши дети и внуки... И ради наших детей и внуков будет оправдан всяческий наш сегодняшний труд, надрыв и подвиг.

Улыбаться не нужно. Немало людей совершали героические подвиги и жизнь отдавали именно по такой мотивации.

В общем, ничего удивительного. Коммунистическая идея имеет всецело еврейское происхождение. Только народ завета поменялся. Теперь это уже не Израиль, а пролетарии всех стран. И, конечно, поменялся и податель временных благ. Моисей обещал, что счастливое будущее даст Бог, а коммунисты собирались сами свой новый мир построить. Но в том и другом случае мотивация была одна и та же: нам пока все скорби, кнуты и синяки, а нашим потомкам в непонятном будущем - все пряники. Подчеркнем: эта мотивация в человеческом обществе работает, хотя бы иногда, для самых честных пассионариев.

Притом еще, для "особо отличившихся" добавляется некое бессмертие в "ленинском смысле": жил, жив, будешь жить - в памяти потомков. Работает и эта, дополнительная, "форсажная" мотивация; тому тоже полно примеров в

коммунистической истории.

Но та же история показывает, что эта мотивация в целом народе работает не долго. Не долго и не глубоко одушевляла она современников Моисея, едва-едва добравшихся наконец до Обетованной земли и поспешивших забыть Бога, как только туда вошли. А коммунистический энтузиазм еще лучше известен нам из недавней истории, в которой мы жили сами: это тоже не долговечный энтузиазм.

Хотелось чего-то большего и лучшего.

Эпикуреец-экклезиаст

Богомудрое Писание, вообще-то говоря, показало нам логичное развитие такой чисто земной мотивации. Бескорыстия в ней оказывается значительно меньше, чем можно было предполагать сначала. Относительное благополучие на этой земле иногда для кого-то достигается. И в этой точке героическая мотивация (бескорыстно умрем ради светлого будущего наших детей) у этих самых детей вполне логично куда-то испаряется. Наступает декаданс, упадок, разврат, отвращение. Как это свершилось с социалистическим обществом в советское время, - очевидцам и вспоминать не хочется. А в Писании тоже есть этому иллюстрация, и мы ее сейчас рассмотрим.

Моисеево "светлое будущее" наступило во времена царя Соломона. Израиль пришел на пик своего народно-государственного процветания. Достиг обещанного потомкам. Славнее и больше Израильское царство не бывало в истории никогда прежде и никогда позже. И именно Соломон отступил от Бога отцов своих. После него царство Израильское разделилось и плавно, но неуклонно двинулось под откос.

При этом каким-то образом, Соломон почитался образцом мудрости, и его именем впоследствии подписывали не одно сочинение, которое не могло ему принадлежать. Вот мы и рассмотрим бегло два из них. Оба написаны в межзаветный период, оба приписаны царю Соломону. Оба жестко противоречат друг другу, вплоть до того, что между ними просматривается прямая полемика. И как раз по вопросу религиозной мотивации и жизни после смерти.

Две эти книги стоят в церковном издании Библии почти рядом: Экклезиаст и Премудрость Соломона. Первая включена в канон ветхозаветных книг, а вторая нет. Я удивляюсь, почему так получилось, по идее должно было быть ровно наоборот. Удивляюсь я и тому, почему довольно много похвал приходится слышать в адрес Экклезиаста от современных верующих читателей-христиан. Но впрочем, по порядку.

Кто сам и не читал Экклезиаста, все равно знает лейтмотив его книги: *суета сует*. Книга, по большому счету, именно о *суете* и написана, и мудрование в ней суетно. Это вполне материалистическая, упадническая книга, не способная кого-то на что-то вдохновить. В каком-то смысле, ее можно читать, как ответ дальнего потомка Моисею. Представить для начала пару строк приблизительно в таком духе. Ну, вот, Моисей, твое обещание исполнилось, я живу в обетованной земле, которую ты обещал нам от Бога, живу обеспечено, познаю мир... И дальше - прямо по тексту со второго стиха первой главы: *суета сует, все суета!* Суета все то, что обещал Бог через Моисея Израилю. Зря старался, Моисей!

Чтобы благочестивый читатель не слишком вздрагивал, не поленимся перечитать самые яркие пассажи книги.

Автор не стыдится представиться читателю сытым и изнеженным: *И сделался я великим и богатым больше всех, бывших прежде меня в Иерусалиме, и мудрость моя пребыла со мною. Чего бы глаза мои ни пожелали, я не отказывал им, не*

возбранил сердцу моему никакого веселья (Еккл. 2, 9-10). Не похож он на Моисея, выросшего при дворе, но предпочетшего лучше страдать с народом Божиим, чем иметь временную греховную сладость (см. Евр. 11, 25). И дальше видит Экклезиаст все дела человеческие под солнцем, включая и свои собственные, сплошной суетой и томлением духа. При этом, конечно, наш "ветхозаветный Онегин" ни в какую загробную жизнь не верит:

Мудрого не будут помнить вечно, как и глупого, в грядущие дни все будет забыто, и увь! мудрый умирает наравне с глупым. И возненавидел я жизнь, потому что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем, ибо все суета и томление духа. И возненавидел я весь труд мой, которым трудился под солнцем, потому что должен оставить его человеку, который будет после меня (Еккл. 2, 17-18). (Тут любой может поправить: а я бы, кстати, был бы рад, если кто-то воспользуется моими трудами после меня). Впрочем, наш скептик и материалист еще более конкретен:

Участь сынов человеческих и участь животных - участь одна: как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом, потому что все - суета. Все идет в одно место: все произошло из праха, и все возвратится в прах. Кто знает дух сынов человеческих восходит ли вверх, и дух животных сходит ли вниз в землю (3, 18-21). Очевидно, что в это движение человеческого духа вверх наш предтеча Дарвина ни капельки не верит!

Ибо дальше - больше:

Это-то и худо во всем, что делается под солнцем, что одна участь всем, и сердце сынов человеческих исполнено зла, и безумие в сердце их, в жизни их, а после того они отходят к умершим. Кто находится между живыми, тому есть еще надежда, так как и псу живому лучше, нежели мертвому льву. Живые знают, что умрут, а мертвые ничего не знают, и уже нет им воздаяния, потому что и память о них предана забвению, и любовь их, и ненависть их, и ревность их уже исчезли, и нет им больше части во веки ни в чем, что делается под солнцем (9, 3-6).

В любой армии, вообще-то говоря, за такое выгораживание живого пса перед мертвым львом агитатора просто повесили бы на ближайшем суку, как дохлого пса, чтобы всем воинам вновь напомнить: лучше умереть, как лев, чем жить, как пес. Лев и пес здесь суть животные-символы. Пес – животное нечистое, от опасности он бежит, поджав хвост. А лев дерется до конца и не отступает перед превосходящим его врагом. Это давно было подмечено охотниками, оттого и попал лев в легенды и басни, стал царем зверей, запечатлелся на гербах. В каком-то смысле Экклезиаст здесь сознательно покушается на благородный символ, а с ним и на высокую добродетель самопожертвования, которая ценилась во всех народах.

Мораль Экклезиаста парализует любую человеческую деятельность, смешивает в одной могиле добро и зло, и делает совершенно лишним и ненужным любое упоминание о Боге. Бога Экклезиаст поминает, но как-то совершенно не предметно. Бог у него безлик, бездействен. Если бы марксистский переводчик везде в этой книге вместо Бога подставил слово природа, по смыслу не изменилось бы ровно ничего.

Ну, и вывод нашего еврейского Эпикура совершенно не замысловат и вполне предсказуем:

Итак, иди ешь с веселием хлеб твой и пей в радости сердца вино твое, когда Бог благоволит делам твоим. Да будут во всякое время одежды твои светлы, и не оскудевает елей на главе твоей. Наслаждайся жизнью с женою, которую любишь, во все дни суетной жизни твоей (9, 8-9).

Если вы считаете, что я первым начал подсмеиваться над этой моралью, взгляните на слова апостола Павла и сравните:

*Для чего и мы ежечасно подвергаемся бедствиям? Я каждый день умираю: свидетельствуюсь в том похвалою вашею...Когда я боролся со зверями в Ефесе, какая мне польза, если мертвые не воскресают? **Станем есть и пить, ибо завтра умрем?** Не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы. **Отрезвитесь и не грешите!** (1 Кор. 15, 34).* Разве выделенное мною у Павла не есть почти прямая цитата из Экклезиаста? И как он ее оценивает? - От такой морали надо *отрезвиться и не грешить!*

Как это все подытожить в целом?

Представьте себе, бывшие советские люди, кто помнит СССР, какими бы глазами Ленин и Сталин посмотрели бы на Горбачева после всех его славных подвигов? Спросить бы их: вы за **это** боролись?

Ровно такими же глазами глядели бы Моисей и Иисус Навин на вот этого своего отдаленного потомка. Сбылась вроде бы еврейская мечта о счастливой жизни на плодородной земле, и вот, из этого коммунистического идеала на самой вершине его осуществления рождается вот такое эпикурейское чудище, объявляющее все высокие стремления предков, все их воображаемые свершения *суею и томлением духа*.

Итак, у мотивации без посмертных воздаяний существует и своя эволюция.

Казалось бы, начинали с такого альтруизма: не надо нам ничего небесного! Не надо нам никаких воздаяний за гробом. Только чуть-чуть земного счастья - и то только нашим детям. А детки вам и выдадут, достигнув этого самого счастья, что, мол, вы, предки, хоть и львы, да мертвые, а мы станем жить, как псы живые. Потому что все ваши труды и жертвы – суея и томление духа.

Совсем другой получился бы разговор, если бы наш Экклезиаст был бы твердо уверен, что у порога, где кончается суея, его встретит суровый взгляд живого Моисея!

Книга Экклезиаста, каноническая книга, никогда не читается в православной церкви за богослужением. Это хорошо!

Зато читается часто неканоническая книга, идущая в церковной Библии сразу же вслед за Экклезиастом. Это книга Премудрости Соломона. Удивительно, что у нас не принято замечать, как Премудрый совершенно очевидным образом отвечает на мораль Экклезиаста, причем отвечает столь же сурово, если не еще более, чем сказано выше. Более того, Премудрый выдвигает совершенно иное, новое, прочное основание религиозной мотивации, в котором, действительно, заключена и мудрость, и добродетель, и жизнь.

Лев будет жить. А пес подохнет.

Вкратце так, если обобщить слова Премудрого в образах Экклезиаста. И это будет правильно.

Премудрый опровергает Экклезиаста

Первые главы книги Премудрости кажутся набором общих тривиальных истин, пока вы предварительно не прочтете Экклезиаста. Но если начнете читать сразу после него, то заметите много интересного.

Уже в первой главе напоминает, что претендующий на мудрость должен иметь добродетельные нравы. А также опровергается тезис круговорота смерти и жизни,

который, собственно, и выводится у Экклезиаста под именем суеты. Жизнь и смерть у Премудрого не равноправны, ибо *Бог смерти не сотворил* (Прем. 1, 13). Впрочем, это отдельный разговор, мы же обратимся к предмету чуть попроще и очевиднее.

Во 2-й главе Премудрый идет в продуманную и прямую атаку на эпикурейскую философию Экклезиаста. Если сначала вы освежите в памяти всю 9-ю главу последнего, то после этого 2-я глава Премудрого будет выглядеть для вас прямым опровержением. Действительно, почти вся глава представляет собою пересказ Экклезиаста с очень важным, пропущенным у него уточнением посередине, которое обнаруживает всю нравственную неправду эпикурейца.

Неправо умствующие говорили сами в себе: коротка и прискорбна наша жизнь, и нет человеку спасения от смерти, и не знают, чтобы кто освободил из ада. Случайно мы рождены и после будем как не бывшие; дыхание в ноздрях наших - дым, и слово - искра в движении нашего сердца. Когда она угаснет, тело обратится в прах, и дух рассеется, как жидкий воздух (почти дословная цитата Эккл. 12, 7 - с. Т.)... Ибо жизнь наша - прохождение тени (суета! - с. Т.) и нет нам возврата от смерти: ибо положена печать, и никто не возвращается. Будем же наслаждаться настоящими благами и спешить пользоваться миром, как юностью, преисполнимся дорогим вином и благоговониями и да не пройдет мимо нас весенний цвет жизни (ср.: Эккл. 9, 8-9, что мы приводили выше, - совпадение дословное! - с. Т.)...ибо это наша доля и наш жребий (ср. Эккл. 9, 9; 5, 18 - опять дословное совпадение! - с. Т.) (Прем. 2, 1 - 9).

Неправо умствующие, неверующие в посмертные воздаяния и ублажающие земные наслаждения, упустили одну очень важную деталь, которую не упустил Премудрый. Действительно, планета не резиновая, места на ней всем не хватает, вин, благовоний, даже хлеба не хватает на всех. И если ты уже решил наслаждаться весенним цветом жизни, потому что это, дескать, твоя доля, то долю эту ты неизбежно отбираешь у другого. Жить в свое удовольствие и одновременно быть справедливым и милостивым - не получится. Поэтому и продолжает Премудрый со следующего стиха:

Будем притеснять бедняка праведника, не пощадим вдовы и не постыдимся многолетних седин старца. Сила наша да будет законом правды, ибо бессилие оказывается бесполезным. Устроим ковы праведнику, ибо он в тягость нам и противится делам нашим, укоряет нас в грехах против закона и поносит нас за грехи нашего воспитания, объявляет себя имеющим познание о Боге и называет себя сыном Господа (Прем. 2, 10-13).

Разумеется, от лица этого праведника Премудрый дальше обличает эпикурейскую мораль, высказывая к ней и свое личное отношение:

он (праведник - с. Т.) считает нас мерзостью и удаляется от путей наших, как от нечистот, ублажает кончину праведных и тщеславно называет отцом своим Бога (Прем. 2, 16).

Понятно, что и сам Премудрый описанную позицию сибаритов считает мерзостью и бежит от нее, как от нечистоты. Далее он предсказывает, что оные *неправо умствующие* непременно воздвигнут гонение на праведника:

Увидим, истинны ли слова его, и испытаем, каков будет исход его, ибо если этот праведник есть сын Божий, то Бог защитит его и избавит его от руки врагов. Испытаем его оскорблением и мучением, дабы узнать смирение его и видеть незлобие его, осудим его на бесчестную смерть, ибо, по словам его, о нем попечение будет (2, 17-20).

Здесь кончается монолог эпикурейцев, перешедших от самоублажения к

преступлению. Дальше Премудрый говорит уже от себя:

Так они умствовали и ошиблись, ибо злоба их ослепила их, и они не познали тайн Божиих, не ожидали воздаяния за святость и не считали достойными награды душ непорочных (2, 21-22).

Дальше речь пойдет о вечных воздаяниях, причем не краткая "закладка", как в канонических книгах, а целая развернутая апология. Но перед нею пройдет краткое богословское обоснование, которое столь же кратко было затронуто еще в стихе 1, 13: *Бог смерти не сотворил.*

Итак, на чем основывает Премудрый свою надежду на благое посмертие для праведников, в чем бы оно ни выражалось? На том именно учении, что жизнь и смерть не симметричны, они не являются равноправными частями единого круговорота, - как это представлял себе Экклезиаст. Жизнь сотворена Богом, а смерть не была им сотворена, но является лишь случайной порчей прекрасного творения:

Бог создал человека для нетления и соделал его образом вечного бытия Своего, но завистью дьявола вошла в мир смерть, и испытывают ее принадлежащие к уделу его (т.е. дьявола, конечно - с. Т.) (Прем. 2, 23-24). То есть, смерть не есть часть Божьего плана, и человек по первоначальному плану предназначен отражать Божию вечность, т.е. быть бессмертным. Дьявол и человеческий грех нарушили этот план, - но это еще не означает его полной отмены! Тем более, это не означает, будто бы дьявол ухитрился сделать смерть частью Божьего плана, включив ее в некий круговорот.

Разумеется, основание этой мысли содержится в 3 главе Бытия, о согрешении и изгнании наших прародителей, но в таком виде эту мысль прежде библейские авторы не высказывали. Впоследствии она развита апостолом Павлом в 7 и 8 главах Послания к Римлянам, она стала очень важным местом в христианской космологии вообще. Но пока у Премудрого мысль конкретнее: смерть, как явление случайное, во-первых, и противоречащее планам Бога, во-вторых, не может в таком качестве равняться с жизнью и безвозвратно поглощать праведников, которые не принадлежат уделу дьявола, а принадлежат Богу. Поэтому и продолжает Премудрый:

А души праведных в руке Божией, и мучение не коснется их. В глазах неразумных они казались умершими, и исход их считался погибелью, и отшествие от нас - уничтожением, но они пребывают в мире. Ибо, хотя они в глазах людей наказываются, но надежда их полна бессмертия (3, 1-4).

О бессмертии праведников еще несколько раз говорит Премудрый в последующих главах, и все эти места тщательно собраны в паремиях на вечерне, посвященной памяти святителей, мучеников, исповедников. И в итоге эти ветхозаветные слова о бессмертии из неканонической книги читаются в православной церкви лишь ненамного реже, чем сама Псалтирь. Вообще, Премудрость Соломона - практически единственная из второканонических книг, имеющая литургическое употребление, притом весьма частое. Это к вопросу о ее статусе в каноне. Если подойти неформально, то настоящая каноническая книга Писания - это такая книга, которая имеет регулярное литургическое употребление.

Н.Т. Райт задается вопросом, поставленным до него и обсуждаемым в библеистике, как именно Премудрый представляет себе посмертные награды праведнику. И приходит к выводу, что скорее всего (хотя это и не явно), речь должна идти о воскресении во славе в последний день. Не станем подробно разбирать эти выкладки, сам Райт тоже не выносит окончательного решения. Вот слова, говорящие

скорее в пользу воскресения, нежели блаженного состояния развоплотившейся души:

Будут судить племена и владычествовать над народами, а над ними будет Господь царствовать во веки (Прем. 3, 8).

Или вот это:

Тогда праведник с великим дерзновением станет пред лицом тех, которые оскорбляли его и презирали подвиги его, они же, увидев, смутятся великим страхом и изумятся неожиданности спасения его, и, раскаиваясь и вздыхая от стеснения духа, будут говорить сами в себе: "это тот самый, который был у нас некогда в посмеянии и притчею поругания. Безумные! мы почитали жизнь его сумасшествием и кончину его бесчестною. Как же он причислен к сынам Божиим и жребий его со святыми?" (Прем. 5, 1-5).

Судя по иудейскому контексту (и прежде всего по Даниилу) здесь скорее описывается последний день суда, нежели что-то другое, но, повторим, вопрос все-таки окончательно не решен.

О мотивации посмертных воздаяний (продолжение)

Н. Т. Райт приводит предание из Мишны (основа Талмуда, сборник изречений еврейских учителей, составленный во II веке н. э.) о происхождении саддукейства и его религиозной мотивации:

«Другие свидетельства об этом содержат дошедшие до нас споры II века до нашей эры, сохраненные в афоризме Антигона из Сохо, первого раввина из перечисленных в великом списке трактата «Авот». «Не походите на рабов, — говорил он, — кои несут службу своим властителям из-за вознаграждения, но берите пример с тех рабов, кои, всецело отдавшись службе, о воздаянии вовсе не помышляют». Согласно позднему преданию, сохранившемуся в двух вариантах, ученики Антигона, Цадок и Боэтус, спорили о том, что это значит, и пришли к выводу, что это исключает все доктрины будущей жизни, особенно идею воскресения, где раздаются награды. Они стали, согласно этому преданию, основателями двух направлений, соответственно, саддукеев и боэтусеев, причем и те, и другие отрицали будущую жизнь и воскресение. Этот случай, сохранившийся (естественно) в раввинистическом предании, указывает на то, против чего боролись фарисеи. Этот эпизод также ярко иллюстрирует относительную новизну идеи воскресения; Цадок и Боэтус решили, что если бы воскресение было важным учением прежних дней, Антигон так бы не говорил.

Это подводит нас к основным раввинистическим положениям касательно доктрины воскресения периода Мишны (70–200 годы н. э.). Самое известное из них звучит как предупреждение: те, кто не верят в грядущее и особенно в воскресение, его лишатся».

Здесь вновь мы возвращаемся к вопросу о бескорыстности религиозной мотивации.

Любой посторонний умник слышал поговорку, что служить Богу нужно *ради Иисуса, а не ради хлеба куса*. Это как-то не оспаривается, принимается, как нечто самоочевидное. И на этой очевидной основе вновь древний клеветник повторяет свой вопрос про Иова: а разве даром верующие чтут Бога? они же хотят небесной награды, да еще какой большой! Вот если бы они молились Богу и исполняли заповеди Его бескорыстно...

И сколько доводилось мне слышать, верующие в ответ начинают лепетать что-то такое согласное, начинают оправдываться: да, все так, но мы, мол, бескорыстны, мы честно любим... Ну, и естественно, их припирают фактами к стенке, что все это совсем не так, даже в самом лучшем случае, - ведь они же не отказались от надежды на вечные воздаяния!

А на самом деле, надо сразу засвидетельствовать, что вопрос придуман лично дьяволом, озвучен от его имени, и что этот вопрос изначально построен неправильно, а потому на него невозможно дать правильный ответ.

Неправильность вопроса о бескорыстной любви (послушании) состоит в том, что такая любовь и такое послушание предполагаются только между независимыми существами. Вот сосед Вася соседу Пете по-соседски помог починить забор, и не взял за это денег. Бескорыстный поступок! Потому что оба соседа друг от друга не зависят.

Но если сосед Вася должен соседу Пете тысячу талантов, отдать их не может, знает это и стыдится этого. И вот, он пришел и починил соседу Пете забор, не посмеяв и заикнуться о какой-то награде. Сосед Петя милостивно отпустил его, не напомнив о долге ни слова. Вот ситуация, в которой тоже не имели места какие-то денежные отношения. Но можно ли при таких-то условиях поступок соседа Васи признать бескорыстным? Конечно, нет. Определенного интереса у Васи не может не быть: ему позарез нужна хотя бы какая-то отсрочка. И вот, совершенная работа как-то "по умолчанию" вменяется Васе в погашение хотя бы процентов по кредиту. Если уж сосед Петя не расщедритсЯ и не сократит основной капитал долга.

И вот, теперь мы видим, что любой человек обязан Богу абсолютно всем, от самого своего бытия и рождения. Каждым глотком воды и воздуха, каждой хлебной крошкой, каждой улыбкой, каждой минутой покоя и каждой минутой радостного труда. А еще и прощением всякого своего греха. Такого рода долг Иисус как-то выразил в своей притче невыразимо гигантской, астрономической цифрой в десять тысяч талантов. Таких денег в те времена по всей планете было бы не собрать. Но именно столько каждый из нас должен Богу.

Воздать из этой суммы невозможно даже какого-то ощутимого процента, например, пол-процента. Ни один человек его не отдаст. Наркоман от своей дозы, алкоголик от своего стакана, диабетик от инсулина и раковый больной от морфия зависят меньше, чем любой человек от Божией милости.

О каком бескорыстии можно говорить в таких условиях? Ведь это же просто издевательство! Если ваша рука лежит на кране кислородной подушки - последней надежды умирающего человека, то ваш вопрос к нему: "а бескорыстно ли ты меня любишь?" - прозвучит издевательски.

И вот, эту зависимость свою от Бога верующий человек сознает. Чем больше он пытается соблюдать Божии заповеди, тем крепче он сознает эту зависимость. Неверующие, конечно, не придают ей значения. Они глумливо улыбаются, когда им говорят, что Бог и их терпит, и о них заботится.

Но можем ли мы в отношениях между Богом и человеком усмотреть что-либо сверх этой абсолютной зависимости?

Вернемся к примерам из человеческой жизни, где предполагаются бескорыстные отношения.

Вот наши Вася с Петей, если не должны друг другу и периодически друг другу помогают, то означает ли это в их отношениях нечто такое, что дотягивало бы до титула любви? Нет, это совершенно не обязательно. Просто обоим лучше жить, когда с соседом хорошие отношения. Уедет сосед Вася, - Петя и слезинки не

смахнет, просто будет добрым словом его поминать, а с новоприехавшим соседом Колей постарается построить такие же отношения.

Простая схема. А теперь попробуйте применить ее к супружеским и родительским отношениям. Ничего не получится!

Наш Петя соседке Маше не просто забор поправит и дрова поколет, но и объявит, что жить без нее не может, и что если она уедет, то никакая соседка Катя не заменит для него Машу, а он, Петя, тотчас помрет от тоски. Женитьба ведь начинается с чего-то вроде этого. Любовью называется что-то вроде этого. И тут на первый план четким строевым шагом выходит **зависимость**! Любовь именно ее и предполагает. В хорошем случае, наша Маша тоже вдруг понимает, что и у нее без Пети душа в пятки выскочит (а не просто забор покривится), что она, Маша тоже от него зависит. Вот при такой взаимной зависимости и получается хорошая семья, причем зависимость эта с годами нарастает, как ни странно. Любить жену, и не хотеть ее, причем одновременно - это маразм, это психическое расстройство. У нормальных людей такого не бывает. На шестом десятке совместной жизни один старый военный говорил мне про свою жену: раньше она была мне боевой подругой, а теперь она мне - ангел-хранитель! Вот тогда и срастается любовь, когда такая зависимость есть.

На это мне возразил некий виртуальный собеседник на форуме в сети. Меня, мол, моя жена любит, и только поэтому пребывает со мною, а так-то она - самостоятельный, состоявшийся человек, самодостаточная личность, и это, мол, правильно. А ты, дескать, хотел бы жену материально подмять и подавить под себя?

Я против такого тотального подавления, когда жена совершенно бесправна, а муж позволяет себе, пользуясь этим, любую наглость. И все-таки совершенно независимые супруги никогда не составят хорошую семью. Любящие не могут быть независимыми, независимые не смогут быть любящими. Потому что эта "любовь" прихотлива и непостоянна. Самодостаточная жена - это не жена, это куртизанка, или, в категориях римского права, - конкубина. В любой момент она соберет чемодан и скажет до свиданья. И вполне независимый от жены муж - это тоже плохо; та же опасность подстерегает и здесь.

И лишь взаимная зависимость, материальная, душевная, духовная, любая иная, в каждой сфере жизни - вот что хранит семью и вырачивает в ней любовь. Любить друг друга бескорыстно, по-соседски, супруги не могут и не должны. Их интерес взаимен, и чем ближе их отход в вечность, тем яснее они понимают, что держатся только вместе, что они абсолютно незаменимы друг для друга. Убери одну из опор, любую, - и тотчас другая упадет сама.

А что же с родительскими отношениями? Там тоже все стоит на зависимости. Только эта зависимость уже односторонняя и не предполагается простирающейся до гроба. Попробуйте спросить любого отца, у которого сын в подростковом возрасте, еще не создал свою семью: хочет ли этот отец, чтобы сын любил его бескорыстно? Неглупый отец поправит: он никак не хотел бы, чтобы сын обрел свою независимость раньше срока, раньше того, как он внутренне, по своему убеждению, разделит хотя бы основные жизненные ценности отца. А до этого отцу очень нужна сыновья зависимость от него, как единственный еще остающийся воспитательный рычаг, которым можно до какой-то степени обуздывать греховные порывы юности. Отцу нужна не сыновья бескорыстность, отцу нужна сыновья благодарность. Если сын взял у отца тысячу монет, отделился, открыл свое дело, может быть, сомнительное или криминальное, а потом бескорыстно подарил отцу десять тысяч монет, - но никак не пускает его в свой собственный внутренний мир, то никакой отец, кроме явно безнравственного и жадного, не будет рад такому подарку.

С учетом этого человеческого опыта взглянем на отношения Бога с человеком.

Хочет ли Бог человеческого бескорыстия, которое автоматически предполагало бы, что человек уменьшил свою зависимость от Бога, и от своих "свободных щедрот" что-то такое Богу подарил? - Ну, очевидная же глупость!

Если она еще не очевидна, то вот вопрос попроще: а кто имеет от Бога наибольшую независимость? Не тот ли самый персонаж, который спрашивал про бескорыстие Иова? - Разумеется, именно он. Он и подстрекает человека: отдай, мол, Богу то, чем ты Ему должен, брось Ему некий выкуп за свою независимость. И даже если бы такое было возможно, - это служило бы величайшим оскорблением Божией любви и заботы.

Хочет ли Бог, чтобы Его творения были от него независимы? – Конечно, нет. Праведник, приближаясь к Богу, зависит от Него все больше и больше. Где-то час и два в день ему нужно уделить на молитву, а пока он был неверующим, смело растрчивал этот час на любые свои похоти, был свободен своими мыслями от Бога. Был не Божиим рабом, а рабом греха, считая себя свободным. Из этого положения мог бы отвесить Богу "бескорыстный поклон". И разве это было хорошо? Это же очевидно, что именно такая «независимость» человека для Бога наиболее огорчительна, она составляет измену твари своему Творцу.

Если бы Бог был для нас просто "добрым соседом", как те Вася с Петей, то библейские заповеди, предлагаемые нам с Его стороны, были бы самой настоящей тиранией. Такой уровень требований от соседа к независимому соседу представляет неимоверную наглость. Люби меня и никого другого наравне со мною! - услышать такое от соседа было бы просто ужасно. Но именно это сказано от Творца к твари. И в такой постановке - абсолютно законно и оправдано. Нас разделяют десять тысяч талантов долга. Которого Творец с нас не требует.

Вот и давая людям нравственные заповеди, ни Моисей от имени Бога, ни Иисус, как сам Воплотившийся Бог, не сказали ни слова о каком-то бескорыстии в любви человека к Богу. И там, и здесь форма любви к Богу проста: хочешь любить Бога - выполняй Его заповеди, и старайся делать это честно. А заповеди тоже выражаются не сложно. По отношению к Богу - будь верен и благодарен, не уходи к другим богам. А в отношении к ближним - будь бескорыстен. Вот где требуется бескорыстие! От шестой до десятой заповеди - сплошное бескорыстие. Не вреди ближнему: его жизни (6), его семье (7), его имуществу (8), его репутации (9), и даже в мысли не посягай на что-то из этих четырех (10). Вот эти пять из десяти заповедей по номерам – в скобках.

Иисус и Его ученики призывают нас к тому, чтобы получить небесную награду. Иисус хочет, чтобы мы стремились к ней, как к самому важному в нашей жизни. Он уподобляет в притчах будущее небесное царство брачному пиру, куда приходят за угощением и весельем. Иисус нисколько не смущается сравнивать для человека обретение Небесного Царства даже с успешной торговой операцией:

Подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее (Мф. 13, 45-46). Предполагается, что этот купец обогатился, потому что, хотя на выкуп этой главной жемчужины понадобилось все его имущество, но настоящей ее цены продававшие не знали и, не зная, уступили ее купцу за бесценок – хотя это и составляло все его имущество. Купец же понял, что заимев эту жемчужину, он станет богаче, чем был до того. Смысл притчи, что Небесное Царство лучше и дороже всех земных сокровищ. Этими сокровищами и следует при случае пожертвовать ради главного. К этому в итоге сводится вся земная жизнь верующего: как, жертвуя

земным, приобрести небесное.

Другой вопрос, который задают одновременно: а стали бы Вы любить Бога, если бы Он не обещал вам ничего по смерти? Конечно, трудно себе такое представить и поместить себя в такое положение. Но и здесь ответ существует. Да, большинство верующих чтили бы Бога по-прежнему, но какая-то важная составляющая их чувства ушла бы. Ведь любить Бога и означает входить в Его жизнь, в Его вечную и блаженную жизнь. Сам вопрос при внимательном рассмотрении несет в себе противоречие: готовы ли вы любить Бога и не входить в Его вечное бытие? Спросите супругов, готовы ли они любить друг друга, живя всю жизнь подальше друг от друга? - Абсурд.

Если бы нам не давалось никаких обещаний относительно вечности, то бессмысленно было бы употребление слова **любовь** к таким отношениям. Его следовало бы заменить на слово **почитание**. Да, мы бы Бога почитали, как все законопослушные почитают свод законов страны. И на этом вопрос следовало бы закрыть.

Итак, вся провокация относительно бескорыстной любви к Богу разрешается тем, что само сочетание «бескорыстная любовь» в этом контексте - бессмысленно, нереально, противоречиво в самом себе. Бескорыстная любовь – это сухая мокрота, зрячая слепота и чистая грязь. Это то, чего нет, выдуманная логическая конструкция.

Любовь между любыми разумными существами ищет ответа. Причем ответа адекватного себе, конгениального и симметричного. Когда условно говорят о бескорыстии в любви, то предполагается, что наш Вася нашей Маше дарит какую-то безделку и ждет в ответ, что Маша догадается, что ему Васе нужна Маша сама, что, желая взять ее жизнь и соединить со своей, он дает ей и свою жизнь. И это существенно! А если Маша просто захочет, так сказать, на халяву пользоваться Васиными безделками, то лишь тогда говорят, что нет у нее бескорыстной любви, что она разменяла большое и высокое на мелкое и материальное. Вот лишь в таком или похожем контексте употребление сочетания «бескорыстная любовь» обретает хотя бы какой-то условный смысл.

А если речь идет о Боге-Творце, то ведь и нас самих Он создавал не без цели. Зачем-то мы Ему нужны. И если мы будем соответствовать этой цели, то это будет хорошо и для Него, и для нас. И все это называется пребыванием в Божественной любви. У обеих сторон, и у Бога, и у человека здесь есть высокий **интерес**. И это же хорошо!

Зачем же сюда совать это неуместное в данном контексте слово «бескорыстие»!

На этом изначальный тезис раби Антигона из Сохо, основателя саддукеев, будем считать ниспровергнутым. Мысль о бескорыстном служении человека Богу – это глубокая богословская и нравственная ошибка. Хорошо, если она честная. Если и читатель до сих пор честно разделял это мнение, то хотя бы теперь может ясно увидеть, насколько оно ошибочно и противоречит замыслу Божьему. Бог свои отношения с человеческой душой (или со своим народом) сравнивает с браком, в котором, как мы видели, бескорыстие невозможно по определению, - а не с добрыми отношениями соседей. Мотивация верующего должна вытекать из воли Божией. Мы веруем не потому, что хотим от Бога что-то выклянчить, а потому что мы Ему подчиняемся, мы создаем себя обязанными выполнить Его волю. А Его воля для нас – войти в Его любовь и радость.

Его любовь и радость предполагают, что нам от этого станет хорошо. И слава Богу! Восклицательный знак – и возвращение к отложенному библейскому тексту.

Вторая Маккавейская книга

В еврейской литературе межзаветного периода есть еще одна книга, автор которой вместе с Премудрым ждет от Бога посмертного воздаяния – и на этот раз в явно выраженной форме воскресения мертвых, а не бесплотного блаженства. Это – вторая из трех Маккавейских книг.

Вообще, все три этих книги посвящены высокому, светлому и героическому периоду в истории Израиля, а именно борьбе против эллинистических правителей, Селевкидов, наследников Александра Македонского, устроивших тяжкое религиозное гонение на Израиль во II веке до Р. Х. Эта борьба прославила в Израиле и своих воинов, и своих мучеников. День главной победы иудеев, день освящения поруганного и оскверненного Храма стал одним из важных еврейских праздников, именуемым Ханука. Он праздновался и во времена Иисуса (в Евангелии он обозначен, как день Обновления – см. Ин. 10, 22), и празднуется иудеями ныне. Иными словами, сюжет и содержание Маккавейских книг не забыты ни в христианстве, ни в современном иудаизме. Там и здесь они имеют свое, особенное, конечно, литургическое выражение. Тем не менее, сами книги евреями в канон не приняты, а в православной Библии числятся (по этой, очевидно, причине) второканоническими.

Причина тому, как мне доводилось читать в популярных протестантских изданиях, - это единственный эпизод жертвоприношения за умерших, который мы, разумеется, рассмотрим ниже. Это краткое упоминание содержится лишь во второй из трех книг, оно, конечно, вносит некое новшество в «протосаддукейский» корпус канонических книг, - и вот, по этой причине оные протестантские авторы полагали сами книги не богодухновенными и не каноничными.

На самом деле, мне кажется, причина непринятия этих книг в еврейский канон гораздо проще. В них открытым текстом и не раз союзником Иудеи против Селевкидов провозглашается Рим. Это обстоятельство, среди прочего, объясняет последующее приглашение римского полководца Г. Помпея в Иудею в качестве третейского судьи между спорящими иудейскими партиями (64 г до н. э), а также проримскую политику Ирода Великого. Но положительное отношение иудеев к Риму – это было уже совершенно немыслимым и недопустимым для тех евреев, которые после громкого поражения в Иудейской войне, после взятия Титом Иерусалима и разрушения Храма (70 г. н. э), составляли канон священных книг. Неудивительно, что они отринули Маккавейские книги, несмотря на все те героические в них страницы, в которых подвиг подлинных сыновей Израиля поистине затмевает страницы еврейских летописей времен Иисуса Навина, Давида, Эсфири и даже самого Моисея.

А вот, христианская церковь эти выброшенные евреями книги подобрала! И именно те страницы, о которых далее пойдет речь, еще в глубокой древности (минимум это IV век, если не ранее) послужили основой для праздника 1 августа в честь мучеников-Маккавеев, и похвальных слов святых отцов, дошедших до нас.

Но время взглянуть на сам текст. Главы 6 и 7 Второй книги говорят о страданиях старца Елиазара и семи братьев с матерью их (имен их в тексте книги нет, но в православном литургическом предании они сохранены). Цари Селевкиды, и особенно Антиох Епифан, воздвигли жестокое гонение на правоверных иудеев за само соблюдение ими закона Моисеева. Был осквернен недавно отстроенный Храм, превращен в капище Зевса и в блудилище. Было запрещено обрезание младенцев, чтение и хранение книг Закона. Евреев насильственно принуждали вкушать свинину и прочую запрещенную по закону пищу. То было действительно самое настоящее и

очень жестокое гонение на иудейскую веру, включая ее безобидные обычаи, и, разумеется, оно вызвало ответную вооруженную борьбу, увенчавшуюся успехом. Но не на этот успех хотим мы обратить внимание, а на первый, и, пожалуй, единственный в Библии, эпизод мученичества за веру. При этом даже не имеет никакого значения, насколько достоверно передан этот эпизод в книге, не являются ли слова мучимых братьев последующей выдумкой автора книги. Сам факт страданий кого-то из иудеев за веру в те времена был просто обычным делом, но важно, что надежды и мотивация самих страждущих приведена именно в этой книге, причем впервые во всей Библии – во-первых, и очень созвучно с историей христианских мучеников – во-вторых.

Итак, мученичество наших героев показано добровольным. У всех у них есть прямая и простая возможность купить себе жизнь путем отречения от Бога – и они отвергают такую возможность. При этом все они – и это действительно, в Библии впервые - умирают с надеждой вечной жизни, точнее – воскресения из мертвых.

В 6-й главе старца Елиазара его друзья (видимо, уже отрeksiиeся от Бога) жалеют и предлагают ему только вкусить тайком приготовленного кошерного мяса под видом свиного. Но старец мужественно отказывается, - чтобы не дать дурного примера более младшим и среди прочего говорит так: *если в настоящее время я и избавлюсь мучения от людей, но не избежну десницы Всемогущего ни в сей жизни, ни по смерти* (2 Мак. 6, 25).

Подобно сему и семь братьев со своей матерью принимают мучения за свою веру. И почти все они исповедуют свою веру в грядущее воскресение и бессмертие. Например, так:

Ты, мучитель, лишаешь нас настоящей жизни, но Царь мира воскресит нас, умерших за Его законы. Для жизни вечной (2 Мак. 7, 9).

Или так: *от неба я получил их [язык и руки – с. Т.] и за законы Его не жалею их, и от Него надеюсь опять получить их* (2 Мак. 7, 11).

И еще один говорит мучителю: *умирающему от людей вождельно возлагать надежду на Бога, что Он опять оживит, для тебя же не будет воскресения в жизнь* (2 Мак. 7, 14).

А вот слова матери мучеников, укреплявшей их в страданиях:

Итак, Творец мира, Который образовал природу человека и устроил происхождение всех, опять даст вам дыхание и жизнь с милостью, так как вы теперь не щадите самих себя за Его законы (2 Мак. 7, 23).

И еще ее же слова к последнему из сыновей, еще живому:

Умоляю тебя, дитя мое, посмотри на небо и землю, и, видя все, что на них, познай, что все сотворил Бог из ничего, и что так произошел и род человеческий. Не страшись этого убийцы, но будь достойным братьев своих и прими смерть, чтобы я по милости Божией опять приобрела тебя с братьями твоими (2 Мак. 7, 28-29).

Надеюсь, читателя не утомит это обильное цитирование, ибо слова сии суть подлинные глаголы вечной жизни, которых так мало вообще в Ветхом Завете и которые вполне достойны повторения и внимания. В целом они образуют единый богословский трактат. Вполне возможно, повторим, что он составлен задним числом автором текста. Но, несомненно, даже в этом случае, что мученики за веру тогда были, равно как и то, что многие из них, действительно, воодушевлялись надеждами на вечность.

В последней цитате характерно то обстоятельство, что воскресение мертвых ставится в прямую связь с библейским креационизмом, с которого и начиналось

наше размышление. Бог сотворил мир из ничего, и сотворил его хорошим, - а потому и воскресит верных Ему. Как Создатель, Он **может** воссоздать свое создание, как Создатель хорошего мира – **захочет** его воссоздать. Аналогичные мысли, с прибавлением того, что смерть не есть Божие творение, мы встречали и у Премудрого. Так что Райт здесь прав в том отношении, что сама надежда воскресения из мертвых, хотя и нова на своем этапе для Израиля, появляется лишь незадолго до Христа, но при этом не является революционной для библейского мировоззрения. Она всецело вытекает из исповедания единственности Творца и добротности Его творения. Это библейское исповедание уникально в мире древних человеческих космогоний, - как и сама идея воскресения тоже уникальна в мире человеческих мыслей и надежд на посмертие. Поэтому и связь между творением и воскресением очевидна.

Во всей Библии мы найдем немного эпизодов, когда человека приводят на суд за его веру в Единого Бога Творца и ставят перед ним выбор: или отречение – или смерть. Еще один такой эпизод содержится в книге Даниила. Но там, трое отроков, отказавшихся поклониться истукану, чудесным образом оказываются спасенными в горящей печи. И в их ответе, - что характерно, - идея воскресения мертвых прямо не прочитывается.

А здесь и умирают, и надеются на воскресение.

Даже если представить себе, что оба рассказа выдуманы с педагогической целью (что, на мой взгляд, маловероятно), но и в этом случае все-таки невозможно отрицать явный факт. Вера в воскресение мертвых вырастает, крепнет, обретает последователей, ложится на папирус не горящих рукописей именно теперь, в годы тяжких гонений на верующих иудеев, когда Бог явил в их среде настоящих героев духа.

Важно и то, что автор книги обратил свое внимание (вопреки законам жанра) на людей, политически и социально малозначащих. Он описал подвиги не только Иуды Маккавея, вождя повстанцев, но и старика, женщины и детей. Он вывел перед читателем их мужество, достойное, если не превосходящее, мужество победоносных воинов.

И ведь все это заметили святые отцы Церкви, Василий Великий, Григорий Богослов, в своих похвальных словах на память этих мучеников. Их надежды и мотивация полностью совпадали с надеждами мучеников христианских. И это, конечно, не случайно. Еще раз сравните это с глубокомысленным рассуждением о живом псе и мертвом льве. Где именно станете вы искать утешения, назидания, укрепления духа в скорбях, постигших вас лично?

Молитва за павших и погибших

Но продолжим чтение Второй Маккавейской книги. Через несколько страниц, после описания сражений Иуды Маккавея с врагами Израиля приводится вот такой отрывок:

На другой день бывшие с Иудой пошли, как требовал долг, перенести тела павших и положить их вместе со сродниками в отеческих гробницах. И нашли они у каждого из умерших под хитонами посвященные Иамнийским идолам вещи, что закон запрещал иудеям: и сделалось всем явно, по какой причине они пали. Итак, все прославили праведного Судию Господа, открывающего сокровенное, и обратились к молитве, прося, да будет совершенно изглажен содеянный грех, а доблестный Иуда увещал народ хранить себя от грехов, видя своими глазами, что

случилось по вине падших. Сделав же сбор по числу мужей до двух тысяч драхм серебра, он послал в Иерусалим, чтобы принести жертву за грех, и поступил весьма хорошо и благочестно, помышляя о воскресении; ибо, если бы он не надеялся, что павшие в сражении воскреснут, то излишне и напрасно было бы молиться о мертвых. Но он помышлял, что скончавшимся в благочестии уготована превосходная награда, - какая святая и благочестивая мысль! – Посему и принес за умерших умилоостивительную жертву, да разрешатся от греха (2 Мак. 12, 39-45).

Текст растолковывает сам себя. Отметим только, что перед нами первое и единственное упоминание в Библии (хотя и в неканонической книге) о молитве и жертве за умерших, причем действие сие прямо одобряется автором. И эта молитва стоит в самой прямой связи с зарождающейся в Израиле верой в воскресение мертвых.

В современной литературе принято различать две совершенно разных формы посмертного бытия. Одно дело – бестелесное существование души человека в каком-то особом мире; в это верили и греки, и египтяне, и народы ближнего Востока, и совсем другое дело – вера в воскресение мертвых в теле. В это, кроме некоторой части евреев, не верил вообще никто. Почему так, мы уже отмечали. Дело в различии космогонической теории. Библейский креационизм, идея создания одним Творцом хорошего мира, и определил, как следствие (хотя логически не обязательное) идею воскресения мертвых.

Но сейчас важно отметить другое обстоятельство, на которое обратил внимание своих читателей Н. Райт. Только в современных сектах адвентистов и «свидетелей Иеговы» принято жесткое противопоставление идей бессмертия души и воскресения мертвых в теле. Первая отрицается, вторая принимается. Но древние иудеи, не кончавшие адвентистской семинарии, мыслили иначе. Они, проповедуя воскресение, понимали, что к новой жизни в воскресшем теле от жизни нынешней, в смертной плоти должен перекидываться какой-то мостик. Что-то должно же от человека **оставаться**, когда тело умрет, и это «что-то оставшееся» и определит потом новое тело воскресения. Назовем для простоты это «что-то» душой, чем бы оно ни было, и все станет ясно. Если же со смертью тела от человека не оставалось бы совсем уж ничего, то и о воскресении говорить было бы невозможно, следовало бы говорить уже о новом творении. Между умирающим и воскресающим человеком связи бы не было.

Поэтому нет ничего удивительного и странного, что фарисеи (а за ними и все христиане, кроме немногих сектантов) верят в бессмертие души, как некое временное, переходное состояние от жизни нынешней к жизни воскресения. Это логично и вполне понятно.

Иосиф Флавий о посмертии

Вот, собственно и все, что каноническая и второканоническая Библия Ветхого Завета говорит нам о вере в посмертные воздаяния и воскресение мертвых. Райт отмечает, что в межзаветный период в иудейском народе бытовали все возможные взгляды на посмертное существование: и полное его отрицание, и вера в бессмертие души, и вера в воскресение мертвых, включающая веру в бессмертную душу как переходный мостик. Далее он разбирает свидетельства явно апокрифических книг (книги Еноха и книги Юбилеев), где так же обретаются свидетельства о вере в воскресение. Еще одним первоисточником по данному вопросу следует признать

книгу Иосифа Флавия «Иудейская война». Там автор разбирает три главенствующих в его времена и чуть ранее иудейских направления: ессеев, фарисеев и саддукеев, отдавая первым неоправданно много внимания по сравнению с двумя другими школами.

Конечно, Иосиф – автор не очень надежный. Первоначально он сам участвовал в восстании против Рима, начавшегося в 66 г. Затем, попав в плен, перешел на сторону римлян, и войну заканчивал в стане Тита, возглавляя у него, если так можно выразиться, «отдел пораженческой пропаганды». И потом свою книгу, дошедшую до нас, он писал для греко-римского читателя, а потому – что нам важно для нашей темы – и здесь подтягивал взгляды евреев к «респектабельной» античной философии. Эти натяжки заметны даже не очень подготовленному читателю, библеистам же они совершенно очевидны.

Итак, ессеям, составлявшим в тогдашней Иудее маргинальное, сектантское меньшинство, Иосиф уделит максимум внимания именно потому, что их взгляды в наибольшей степени можно было бы подтянуть к стоической и платонической философии. В изображении Иосифа ессеи – прямо-таки настоящие платоники:

«Ессеи и в самом деле непоколебимо убеждены, что, в то время как тела подвержены гибели и их материальный состав непостоянен, души остаются вечно бессмертными. Происходя из тончайшего эфира, они, совлеченные вниз некими чарами природы, попадают в тело, словно в темницу; поэтому, едва освободившись от оков плоти, души, словно вырвавшись на свободу после многих лет рабства, с ликованием взмывают ввысь. Ессеи придерживаются тех же учений, что и греки, заявляя, что благим душам предназначено обитание за океаном, в стране, где нет ни дождя, ни снега, ни зноя... Порочным же душам они отводят мрачную, бурную пропасть, исполненную бесчисленными казнями» («Война» 2, 8, 11).

Тут, конечно, о воскресении во плоти мысли нет. Но нарочитое сопоставление с греческой философией подозрительно. Райт, разбирая и кумранские тексты, приходит к выводу, что ессеи, скорее все-таки верили в воскресение мертвых, чем не верили. Но нельзя забывать, что в среде самих еврейских сектантов того времени полного единомыслия не было. Вероятно, что Иосиф, столь много внимания уделивший столь малому сегменту еврейского религиозного общества, имел на то основания, чтобы между ессеями и греками провести близкие параллели.

Однако упоминание Иосифом о фарисеях значительно более интересно, хотя и кратко. «Из двух остальных школ, поименованных выше, фарисеи славятся, как достоверные толкователи закона и считаются ведущей школой. Они приписывают все судьбе или Богу; хотя выбор между праведными и неправедными поступками по большей части зависит от человека, тем не менее, судьба присутствует в каждом человеческом действии». По-видимому, здесь дан «перевод на смысловой греческий» того, что мы называем учением о предопределении. Следует разуть, что фарисеи веруют в Божие предопределение в его «нежесткой» форме. Но самое интересное дальше: «Душа не подвержена гибели, но лишь души добродетельных входят в тело человека, тогда как души порочных подвержены вечному наказанию» («Война» 2, 8, 13).

Здесь видно, что, как и в случае своих упоминаний о Мессии, Иосиф тщательно обходит главное, но допускает лишь маленькие «проговорки» для тех, кто в курсе. Понятно, что «души добродетельных входят в тело» - это именно о воскресении мертвых во плоти, и ни о чем-то другом. Но равно ясно и то, что сама эта идея в античном мире не была, мягко говоря, популярной, точнее, подвергалась осмеянию (с чем столкнутся позже и христианские проповедники). Поэтому Иосиф и подает ее

очень мягко и скользко, проговариваясь, как бы невзначай.

И наконец, о саддукеях Иосиф говорит наиболее кратко. «Вечность души, а также наказания и награды в загробной жизни отрицаются ими совершенно» (там же).

В свете сказанного можно взглянуть на свидетельство апостола Луки: *Саддукеи говорят, что нет воскресения, ни ангела, ни духа, а фарисеи признают и то, и другое* (Деян. 23, 8). Райт спрашивает: в первой половине фразы поименовано три дополнения, а вторая половина ее говорит лишь о двух понятиях, - как это нужно понимать? Ангел и дух одно и то же? И с чего бы саддукеям отрицать бытие ангелов, о которых не раз говорится в Писании? Дерзнем предположить, что саддукеи могли отрицать бытие ангелов, как самостоятельных, сотворенных мыслящих бессмертных духов. А когда в Писании упоминается об ангелах, посылаемых и являвшихся праведникам, то под ними саддукеи могли разумеать некие материальные посредства: горящую купину, ослицу, или же одноразовое синтезированное из ничего видение, - если ангел виделся в виде мужа. Но не кого-то, имеющего самостоятельное разумное бытие, неограниченное временем.

И тут уже понятна станет более глубокая саддукейская мотивация. Не только боялись служить Богу за награды (о чем был наш разговор выше), но боялись, что сами ангелы будут почитаться наравне с Богом, как существа, много превосходящие человека, в частности бессмертные. И тем самым нарушится первая заповедь. Частичная правда имеется и здесь, но лишь частичная.

Полагаем, что для лучшего понимания Деяписателя, корректно было бы перефразировать его фразу так: *...нет воскресения, ни ангела, как **особого** духа, а фарисеи признают то и другое*. В этом прочтении все становится ясным.

Фарисейские споры о воскресении

Вообще, в религиозной среде (по крайней мере, среди исповедующих единобожие евреев, христиан и мусульман) всегда выделяются две тенденции.

Одна тяготеет к рационализму, жесткой аскезе и внутренней цензуре мышления, ограничению числа религиозных первоисточников. Люди этого направления (а они всегда в меньшинстве) переберут сначала все возможные естественные объяснения любых явлений, а Бога «допустят на арену» лишь в самую последнюю очередь. В этой связи неслучайно, что, согласно Иосифу, саддукеи не верили и в предопределение – их рационализм исключал всякое лишнее «обращение к Богу».

Второе направление дает сердцу больше простору в религии. Здесь хотят Богу угодить реальной жизнью, а потому не исключают определенного духовного творчества. Здесь легче примут лишнее откровение. Здесь «не отключают Богу микрофон», и здесь, к сожалению, забывают, что это не всегда безопасно, ибо этим микрофоном могут воспользоваться не Божии силы. Да и религиозное творчество, как показал фарисейский пример, может быть весьма сомнительного качества. Конкретно, если о фарисеях, это творчество может породить мелочный ритуализм, принижение духовных исканий.

Второго направления держится в религии всегда большинство, ибо именно большинство людей относит религию к сфере скорее сердца, нежели ума. И это естественно. Но из обоих направлений нельзя жестко выделить только одно. У обоих существуют свои преимущества и свои недостатки, позволяющие заметить недостатки и достоинства противоположной стороны.

Если не уходить далеко от вопроса о посмертном бытии, то вот, ко временам Иисуса мы видим в иудейской среде два (если не три?!) основных соперничающих

направления, каждое со своей частичной правдой, каждое со своими опасностями. Чтобы проиллюстрировать, что и фарисейское духовное творчество здесь все-таки уже удалилось от высокой пророческой простоты Даниила и героической поэзии Премудрого и автора 2 Маккавейской книги, процитируем пример, взятый Н. Райтом из Мишны.

«Вопрос о том, как Господь совершит воскресение, — предмет захватывающего спора между фарисейскими/раввинистическими школами Гиллеля и Шаммая, который отражен в Берейшит Рабба 14:5 и Вайикра Рабба 14:9. Суть спора: начнет ли Господь с кожи и мягких тканей плоти и путем уплотнения их образует сухожилия и кости (точка зрения сторонников Гиллеля) или же, напротив, начнет с костей (точка зрения шаммаитов). Шаммаиты, ссылаясь на Иез. 37, толкуют этот отрывок так, как, возможно, это уже делала LXX (*Септуагинта* – с. Т.). Сторонники Гиллеля, хотя их аргументы слабее, цитируют Иов 10:10, читая этот отрывок в будущем времени («не ты ли выльешь меня, как молоко, и, как творог, сгустишь меня? Может, и мясом Ты облечешь меня, костями и жилами скрепишь Ты меня»)...

Согласитесь: веровать в воскресение мертвых – это хорошо, но такого рода диспуты, столь красочно окрашенные национальным еврейским колоритом, столь «талмудичные» в своей основе, – это уже, конечно, перебор. Слушая эти споры, невольно захочется позвать саддукея для отрезвления обеих сторон такого спора.

Такой бесшабашный аллегоризм в прочтении Писания был совершенно обычным в фарисейской среде. Его не чужд был поначалу даже апостол Павел, когда писал в Послании к Галатам свою аллереорию на двух жен и двух сыновей Авраама (гл. 4). Конечно, читать Писание в аллегориях такого масштаба, – это значит, вычитывать там все, чего захочет творческое сердце (но не сам автор!), и совершенно утратить видение в Библии ее прямого смысла. Это путь крайне опасный.

Но и упереться обоими рогами в Писание, не двигаясь дальше с места и не давая Богу возможности открыть саму Книгу и дописать в нее хоть что-нибудь, – это тоже путь тупиковый. Такое саддукейство грозит полностью убить в человеке всякую веру.

Если подытожить несколько короче, то ко временам Иисуса жизнь поставила всем людям, сохранявшим веру в Творца, очень важный вопрос. Да, уже проявились всевозможные варианты ответа, да они вступили в полемику, да они уже смогли сравнить преимущества и недостатки альтернативных ответов.

Но все это, все осмотренные нами библейские и небиблейские тексты (а также не попавшие в наш обзор), ограничиваются лишь тем, что ставят проблему. Это лишь приготовление к получению ответа. Если вопрос ваш серьезен (а этот серьезен до предела), то выслушать ответ и понять его, принять его к действию, вы сможете лишь тогда, когда сами хорошо подумали, когда ваш вопрос вами **выстрадан**. Народ Божий того века, включающий иудеев и прозелитов, в полной мере два или три века мучился этим вопросом, болел им. Ведь это же не просто богословский вопрос, пусть даже важнейший. Это, по сути, главнейшая надежда верующего в Бога! Здесь лежит вся религиозная мотивация его, вся мотивация жизненная. Об этом стоило людям очень серьезно поломать голову, поспорить между собой. Кому-то надлежало показать пример страдания и смерти за свои упования.

И все же это была лишь постановка вопроса.

Ответ не могло дать пророческое откровение, – хотя оно, как будто, давало его. Мы осмотрели эти попытки и вынуждены признать их ограниченность.

Бог благоволил дать более серьезный ответ. Ответ сильный, громкий, мощный. И так получилось, что очень вдохновляющий для тех, кто его расслышит и примет.

Этот ответ – Иисус Христос и Его воскресение из мертвых.

В античном театре царь, созерцающий состязания борцов иногда вставал со своего места и бросал свой жезл на арену в знак прекращения состязания и подведения его итогов. Все вокруг замирало и внимало далее словам самодержца.

И вот, на арену богословских состязаний Бог бросил свой жезл. Свершилось не меньшее по значимости событие. Нам надо выслушать послание Царя мира.

Часть 2. Воскресение Иисуса Христа

Воскресение вытекает из бессмертия души?

Современный западный мир, когда он разбирается с библейскими вопросами, чаще всего сталкивается с такой концепцией возникновения веры христиан в воскресение Иисуса Христа. Будто бы расстроенные ученики Иисуса сначала поверили, в то, что их Учитель жив душой на неких небесах. Может быть, «в стране за океаном, где нет ни снега, ни дождя», как мы читали у Иосифа про ессеев. А потом, по ходу их собраний вместе за трапезой – поминальной трапезой в память Иисуса – им стало казаться, что Он незримо присутствует среди них. И вот, из этого видения\мечтания якобы со временем сгустилась некая мысль о Его воскресении, так что спустя где-то полвека, уже второе поколение христиан сложило евангельские сказания о событии воскресения.

Вот, Н. Т. Райт и опровергает эти умопостроения современных библеистов, как беспочвенные и антиисторичные. При этом не рассматривает какой-либо иной гипотезы, которая в представлении современных людей связывала бы два факта: а) смерть Иисуса и б) всеобщую веру христиан в Его воскресение, причем настолько древнюю, насколько мы можем ее проследить в каких-либо достоверных письменных источниках. Как эти два факта связать, исключив само событие воскресения? – Согласно Райту, мы имеем, в общем-то, только один приведенный выше гипотетический сюжет. Вероятно, он восходит еще в позапрошлый век, как минимум, к Э. Ренану, а может быть и раньше.

Слабое место приведенного сюжета в том, что он стремится близко увязать два учения о посмертном бытии: языческое «в стране за океаном» и иудейское воскресение во плоти. Как-то оба представления должны некоторое время уместиться в одной голове (даже во множестве голов одновременно!) и плавно перетечь из одного в другое, причем еще и в ретроспективе: сначала верить, что Иисус жив душой, а потом перековать это убеждение в веру в Его телесное воскресение.

Если бы сюжет протекал именно так, то мы вправе были бы хотя бы какие-то следы этого процесса отследить в христианских документах. Самые ранние из которых (послания Павла) библеистика относит к 50-м годам, то есть, четверть века спустя после событий.

Райт не напрасно посвятил много времени изучению всех представлений о посмертии в языческом и в иудейском мире. Он убедительно показал, что эти представления трудно сшиваются в нечто единое, и уж совсем никак не способны на ровном месте породить идею, что конкретный человек, казненный совсем недавно на виду множества еще живых свидетелей, воскрес из мертвых в теле. Греко-римский мир однозначно не смог бы придумать такую историю про уважаемого им человека, ибо саму идею оживления плоти полагал не только безумной, но и безнравственной.

Иудеи же, даже верующие в воскресение, мыслили его в последний день существования мира. Раньше общего Дня Господня ничье индивидуальное воскресение не предполагалось, даже в порядке исключения.

Единственное, как будто бы исключение мы обнаруживаем у Иосифа в описании ессеев (и неслучайно его привели выше). Тут, как будто бы, еще можно полагать со всякими оговорками, что некоторая часть ессеев пыталась соединить верование в «страну за океаном» и воскресение из мертвых в теле. Но даже если такие и существовали, то очевиден факт, что христианство возникает не в ессейской среде. Во всем Новом Завете нет ровно ни одного упоминания, что будто бы Сам Иисус или его Апостолы пересекались с кумранскими сектантами. Нет там самого слово «ессей». Нет упоминаний, что Иисус ходил в тот горный, безлюдный край в районе Мертвого моря (Зайорданская сторона, упоминаемая в Евангелии, не совсем то место). Вообще, нет ничего о ессеях.

Поэтому связать веру в воскресение Иисуса с «гибридными» представлениями ессеев о загробной жизни, даже если мы здесь можем положиться на Флавию, все равно нет никакой возможности.

Продолжая опровергать приведенную в начале главы теорию, Райт скрупулезно разбирает по стихам практически весь Новый Завет, писания Мужей Апостольских (Игнатий, Поликарп, Климент), апологетов и ранних отцов Церкви (Иустин, Ириней, Ориген и Ипполит) до начала III века, а также христианские апокрифы и гностические тексты из Наг-Хаммади. Везде, за исключением последних, мы вслед за ним обнаруживаем веру христиан в последний день, воскресение мертвых и страшный суд. Нигде никакого бесплотного и бестелесного существования в раю не обнаруживается – кроме, разумеется, гностиков, религия которых вообще очень своеобразна и имеет мало общего с библейским теизмом и креационизмом вообще, а не только с христианством. Анализ такого огромного массива данных занимает у Райта сотни страниц, и мы, конечно, не станем его воспроизводить, ограничившись лишь общим выводом.

А вывод таков: ранние христиане не сочетали в уме бесплотное блаженство и воскресение мертвых. Они (как и современные) допускали бытие «связующего мостика», в виде души, ожидающей воскресения в теле, но этой душе, этому мостику у них уделен буквально **ноль внимания** – в отличие от буйства средневековых фантазий на тему посмертных странствий и мытарств души, покинувшей тело.

Подчеркнем еще одно очень важное обстоятельство, прослеживаемое не только Райтом, но замеченное задолго до него. Если вести речь о ранних христианских отцах, то у них мы встречаем многообразие мнений по вопросу о вечных воздаяниях. Отметим хотя бы два крайних взгляда. Авторы Запада, признающие Апокалипсис Иоанна (Иустин, Ириней, Ипполит) придерживались изложенного там воззрения о тысяче лет счастливой жизни, когда воскреснут праведники на земле, а затем еще будет освобожден сатана и наступит последняя с ним битва. Это учение хилиазма впоследствии было церковью осуждено – и прежде всего, на Востоке империи, где долгое время, до VII века Апокалипсис не признавали. Зато на Востоке было вслед за Оригеном распространено мнение о вечности всех человеческих душ (опять Платоновое влияние) и об их всеобщем восстановлении в конце времен. И это учение тоже осуждено на 5 Вселенском соборе. Но обратим внимание на два важнейших обстоятельства.

Во-первых, в Церкви того времени допускалось достаточное свободомыслие, велась достаточно свободная полемика по таким весьма не маловажным вопросам. Никто не посмеет сказать, будто учение Церкви сформировалось каким-то узким

замкнутым кружком, а потом навязано всем. Даже осуждение явных крайностей в таких учениях, противоречащих прямым словам Писания, было достаточно мягким и уважительным почти ко всем отцам Церкви (за единственным исключением – Оригена).

Во-вторых, и в этом всем разнообразии мнений все церковные авторы при всей свободе, сами, добровольно сходились в одном: все верили в воскресение Иисуса Христа в теле, и все верили в общее воскресение мертвых в последний день (тоже в теле). Даже Ориген, весьма вольно относившийся к Писанию, понимавший его слишком аллегорически, в этом тоже не сомневался. Исключение составляют гностики, но их нельзя считать христианами, даже еретическими. Это не ересь, это вообще другая религия, многобожническая, лишь пытающаяся притянуть к себе светлое имя Иисуса Христа.

Факт показателен. При большом разбросе мнений о посмертной судьбе только вера в воскресение во плоти остается общим знаменателем для всех христианских авторов.

Иными словами, не существует в огромном массиве ранних христианских текстов никаких указаний на веру этих христиан в блаженство душ без своего тела. Эти люди и их записи не дают оснований полагать, будто некое время они могли веровать в Иисуса, блаженствующего бессмертной душой.

Таким образом, первое звено приведенной в начале главы гипотезы рассыпается в прах. Вера в воскресшего Иисуса (а она первичная и поначалу всеобщая до появления гностиков), не может вытекать из веры в его бесплотное посмертное существование, веры, обильно приправленной впоследствии человеческой фантазией.

Евангельское учение о воскресении

Не разбирая всех древних христианских источников, как это делает Н. Райт, мы все-таки не можем пройти мимо Евангелия. Здесь задается общая канва, общая смысловая матрица, как нужно понимать совершающиеся события, обозначенные в самом начале синоптических текстов, как *приблизилось Царство Небесное*, и чем это все должно завершиться.

Думается, нет нужды повторять общее место всех исследователей Библии, что во времена Иисуса Царство Божие или Царство Небес имело значение близящегося, наступающего прямо на земле нового века. Когда царствовать станет Бог, а все противники низложены будут под ноги Его. Бог царствует посредством особого помазанника (Христа), Царя Мессии. Важно подчеркнуть, что в представлении иудеев того времени Царство Небесное сменит существующий мир **последовательно** во времени, а не будет сосуществовать с ним **параллельно** в ином измерении, - как это нередко принято понимать у нас.

Наступлению Царства сопутствует соби́рание Израи́ля. Это включает и перемещение всех оставшихся в рассеянии евреев в Святую землю, и воскресение мертвых. Произойдет суд, на котором Израиль будет оправдан (возможно, вместе с частью язычников, ставших на его сторону), а враги Израи́ля осуждены и низвергнуты. Все эти чаяния основываются на 7 главе Даниила о Сыне Человеческом (Мессии), которому будет дана власть судить и править в этом обновленном мире. Наступление всего этого порядка именуется Днем Господним или днем Суда. Термин прижился и в позднейшей христианской литературе.

Отметим, что Иисус в Евангелии такое представление в целом не опровергает. За

исключением только той, уже не пророческой, а самодельной еврейской идеи, будто бы приближение Царства можно приблизить путем борьбы с римским владычеством. Никакого блаженного состояния душ «в стране за океаном» Иисус не проповедует. День, когда придет Сын Человеческий на суд, у Иисуса не подвергается сомнению (см. напр. Мф. гл. 26). Корректируются критерии самого этого суда – это верно, но это уже соседний, нравственный вопрос. А сам факт того, что воздаяние будет на едином и общем суде над всеми, - не подвергается сомнению. Ни Евангелие, ни апостолы в посланиях никогда не учили о частном суде над душой, покидающей тело, и замирающей дальше в длительном **промежутке** ожидания последнего Суда. Просто по причине того, что этот промежуток времени никому не представлялся длительным.

И блажен будешь, что они не могут воздать тебе, ибо воздастся тебе в воскресение праведных (Лк. 14, 14). Это лишь самое прямое и яркое указание из слов Иисуса на воскресение мертвых, прочие же поучения Его о Царстве Божием всегда имеют в виду близкий День Господень.

Есть лишь одно небольшое исключение, скорее кажущееся. *Быв же спрошен фарисеями, когда придет Царствие Божие, отвечал им: не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот оно здесь, или: вот там. Ибо вот, Царство Божие внутри вас есть* (Лк. 17, 20). Идея ответа, скорее всего, в том, что собственными усилиями по изменению политических порядков Божие Царство приблизить невозможно. Необходимо, чтобы прежде Бог воцарился и устроил свое царство в самих людях: в каждой отдельной верующей душе и в собрании этих верующих, в их церкви. И люди должны Богу это позволить, так сказать, подставить Ему свои души. Там, в них начинает водворяться Царство еще до наступления дня Господня. Но это никоим образом не отменяет наступление самого обещанного дня! Даже эти слова Иисуса было бы неверно понимать, как **отказ** от исповедания всеобщего мирового переворота, чаемого в тот самый День Господень. Ибо сразу же дальше, через три стиха, Иисус утверждает, что, *как молния, сверкнувшая от одного края неба, блистает до другого края неба, так будет Сын Человеческий в день свой* (Лк. 17, 24).

Единственная сложность по существу в понимании слов Иисуса в отношении Царства касается именно сроков. Такой вопрос, о конкретных сроках ставился перед Иисусом не раз. Вот мы только что видели, как от прямого вопроса фарисеев на эту тему, Иисус уклонился. Когда после воскресения спрашивают Его ученики о том же, Он просто отказывается отвечать: *не ваше дело разуметь времена или сроки, которые Отец положил в своей власти* (Деян. 1, 7). Перед своими страданиями Иисус говорит ученикам: *о дне же том или часе, никто не знает, ни ангелы небесные, ни Сын, но только Отец* (Мк.13, 32). Так и не разрешился в Церкви за сотни лет этот вопрос: знал Иисус или не знал эти сроки? Как совершенный воплотившийся Бог, вроде бы должен был знать, как совершенный человек, во всем уподобившийся нам, мог бы и не знать. Во всяком случае, при любом толковании место в тексте сложное, неудобное, вплоть до соблазнительного, - но так и не подвергшееся дальнейшей редакции. Это, между прочим, свидетельствует в пользу сохранности самого евангельского текста от всяких редактур и корректур впоследствии.

Итак, мы видим, что в целом Иисус подтверждает принятые представления фарисейской партии о всеобщем воскресении и Дне Господнем. Но привносит сюда новые нравственные критерии суда, а также пророчество о своем страдании и воскресении. Даже у скептиков не находится серьезных возражений против того, что

Иисус именно так понимал и учил.

Однако главным ответом, главным разъяснением всех учений и пророчеств послужило само его воскресение. Само событие. Событие, настолько чудесное, настолько уникальное во всей человеческой истории, что оно поистине заслуживает того, чтобы быть рассмотренным внимательно. Небылицам верить никогда не следует. И многие небылицы, накопившиеся в человеческих попытках «объяснить все рационально», необходимо рассмотреть и при необходимости – удалить.

Четыре особенности рассказа о воскресении

Н. Т. Райт выделяет четыре характерных черты, которые присущи каждому из четырех Евангелий, когда они повествуют о воскресении Христа. Каждый евангелист это событие описывает по-своему, расходясь в деталях с другими, но отмеченные четыре особенности присущи всем повествователям.

А особенности суть следующие.

Во-первых, никто из евангелистов не пытается опереться на пророчества, не цитирует Писаний с целью обосновать на них совершившееся событие.

Во-вторых, все четыре опираются на свидетельство женщин.

В-третьих, во всех четырех описаниях Иисус выглядит совершенно непохожим на Победителя ада и смерти. Он слишком «не святящийся».

И наконец, в-четвертых, ни один из рассказов не соотносит воскресение Иисуса с личными надеждами людей на свое бессмертие.

Если вдуматься всерьез, то эти четыре особенности четырех евангелий дают нам шестнадцать независимых «отпечатков подлинности». Они показывают, что свидетельства очевидцев не проходили осмысления и редакционной обработки. Если бы она была, она сделала бы то, что сделали с проповедью о воскресшем Христе апостол Павел и Деятели Луки:

- нашли бы опору в Писаниях,
- убрали бы женское свидетельство,
- добавили бы «поэзии смыслов»,
- и конечно, связали бы это событие с личной надеждой.

И это был бы законный и правильный шаг. Но у евангелистов он не сделан.

Теперь рассмотрим все четыре особенности по порядку.

Особенность первая. Нет ссылок на Библию

Мы в Символе веры исповедуем Господа Иисуса Христа, воскресшего в третий день *по Писаниям*. Выделенное слово прямо взято из ключевого текста апостола Павла о воскресении: *что Он погребен был, и что воскрес в третий день по Писанию* (1 Кор. 15, 4). Соответствие такого события Писанию с самого начала считалось в христианской среде крайне важным. Начать с того, что Лука сообщает, что воскресший Иисус разъясняет ученикам Писание, и не какое-нибудь, а именно о своем страдании и воскресении (см.: Лк. 24, 27). Он *отверзает им ум к разумению Писаний* (Лк. 24, 45). Но какие это Писания – ни слова. Далее в Книге Деяний Лука приводит первую проповедь Петра, и уже в ней содержится ссылка на 15 псалом: *не оставишь души моей во аде и не дашь святому твоему увидеть тления*. Приводится и подробное разъяснение, почему эти слова можно приложить к Иисусу, а не к самому Давиду (см.: Деян. 2, 25-31). Затем приводится проповедь Павла в Антиохии Писидийской и там тоже факт воскресения Иисуса из мертвых

подтвержден ссылками на Писание, одна из которых – тот же самый 15 псалом (см.: Деян. 13, 32-37).

Все это свидетельствует, что христианским проповедникам, начиная с апостолов, важно было представить воскресение Иисуса, как предсказанное пророками событие. Здесь не лишним будет отметить, что задача сия не проста. На самом деле не так уж много найдется в Писании мест, которые можно было бы использовать для этой цели.

Противники христианства из иудейского лагеря постоянно отмечают, что никакого прямого предсказания о том, что Мессия воскреснет из мертвых, в Писании нет. И здесь они правы. Все, что есть в Писании о воскресении вообще, мы уже перебрали, и признаться, это не составило большого труда. Поэтому искать то, что говорится о Мессии в этих отрывках, бесполезно. Понимаем мы, что и псалом 15 в понимании самого псалмопевца приводит лишь благодарение за временное избавление от временной смерти. Но если вспомнить спор сторонников Шаммая и Гиллеля о воскресении с мягких тканей или с костей, который мы упоминали выше, и как там обе стороны используют Писание, то и ссылка на 15 псалом ничуть не нарушает обычных традиций раввинской герменевтики.

Можно было бы усилить христианскую позицию, вспомнив 53 главу Исаии о страдании Отрока Господня, который принимает смерть, с одной стороны, но с другой оказывается жив, и не только жив, но и с удовольствием взирает на подвиг души своей. Это гораздо более убедительное указание на страдание Мессии и его воскресение, - но опять же указание лишь косвенное. О смерти Христа упоминает и Даниил (9, 26), счисляя годы до него, но этот же Христос тут же именуется Владыкой, и Святым святых, который вроде бы не должен умереть. Обратим внимание, что это же пророчество говорит о разрушении Храма и прекращении ежедневной жертвы после смерти Христа. Это – исполнившееся пророчество! Вывести его из затруднения можно только приняв, что умерший Христос воскреснет из мертвых. Тем более что сам Даниил, как мы помним, на редкость ясно признает воскресение мертвых. Так что и на него имело бы смысл опереться.

Но нет, евангельские тексты этих ссылок не дают.

Вообще, интересно, какие именно Писания раскрывал Иисус путникам на дороге в Эммаус, и потом, явившись двенадцати ученикам. Мы этого уже не узнаем в этой жизни. Но сердца учеников Он подлинно зажег, причем все это происходит, пока они еще не узнали Его. Они горят именно о содержании слышанного, о текстах пророчества.

Между прочим, обратим внимание на такой вопрос скептиков: почему воскресшего Иисуса не узнают близкие ему люди? Узнают, - скажем, - ровно тогда, когда Он сам хочет этого. И не узнают ровно до тех пор, пока Он этого не хочет. Как и в случае с теми путниками, очевидно, что поначалу Иисус не стал открываться им с той именно целью, чтобы без отвлечений и эмоций разъяснить им смысл Писаний. Успеть это сделать, прежде чем, узнав Его, они от изумления, страха и радости потеряют всякую способность понимать тексты.

И вот эта узнаваемость и неузнаваемость воскресшего Иисуса становится важнейшей особенностью Его нового воскресшего тела.

Итак, отсутствие в описаниях воскресшего Иисуса ссылок на Библию, - и это после множества таких ссылок в рассказе о распятии, - подчеркивает Райт, - есть свидетельство в пользу раннего происхождения всех рассказов. Не исключая и рассказ Иоанна, самый поздний по времени.

Относительно поздний текст был бы лучше «прилизан» в этом отношении.

Особенность вторая. Женское свидетельство.

И здесь можно сразу указать на ключевой текст Павла в 1 Кор. гл. 15. Подробно описывая, как воскресший Иисус явился двенадцати апостолам, включая Иакова, а потом более чем пятистам братьям, он нигде не упомянул сестер, женщин, первыми обнаруживших Его гроб пустым. Ни Мария Магдалина, никакая иная из женщин не только не названа по имени, но и не упомянута вообще. И это понятно. Наивно было бы полагать, будто Павел не слышал о тех, кто первыми пришли к пустому гробу. Но женское свидетельство и по римскому, и по иудейскому законодательству не имело силы. Апостол понимал, что ссылкой на женщин он убедительности своим словам в глазах слушателей не придаст.

Но никто из четырех евангелистов, ни самый краткий Марк, ни самый подробный Иоанн, не опустил упоминания о женах-мироносицах. Объяснение тут может быть только одно: они действительно в то утро пришли к гробнице и действительно обнаружили ее пустою. Кроме того, они увидели там явление ангелов (вообще непонятно какое видение, но не из нашего мира), которое повергло их в страх. И сквозь этот страх они смогли понять и запомнить, что Погребенный в этой могиле теперь на самом деле жив. Все остальные детали в показаниях у евангелистов об этом эпизоде расходятся: сколько было женщин, сколько ангелов, где именно находились ангелы, какие именно слова они сказали. Но все эти расхождения совершенно неудивительны, легко объяснимы эмоциональным состоянием этих женщин, боявшихся поначалу вообще рассказывать хоть что-то об увиденном.

И опять же, проходят века, поколение за поколением христианские переписчики переписывают все четыре Евангелия, читают их каждое воскресение на богослужениях, и ни у кого рука не поднимается «причесать» все четыре свидетельства под одну гребенку. (Единственная попытка в таком роде, предпринятая Татианом Ассирийцем в III веке, отвергается Церковью). О чем это говорит? Только о том, что последние страницы всех четырех Евангелий были драгоценны христианам, что они не «варились» в церковном предании, передаваясь с одного испорченного телефона на другой. Они окаменели и стали золотыми скрижалями буквально сразу после того, как были записаны.

Неверно было бы говорить, будто фантазия человеческая на эту тему ничего не сочиняла. Еще как сочиняла! Мы приведем еще выдержки из апокрифических евангелий от Никодима и Петра, и читатель легко сам увидит, как в те века составляли настоящие, благочестивые романы-подделки.

Особенность третья. Не светящийся Иисус

Будем все время держать в памяти, что перед нами описание величайшего в истории чуда, равного которому никогда не было. Но в том-то и особенность его, что у четырех евангелистов оно нигде не оклеивается блестящей фольгой человеческих фантазий. Свет этого Воскресения какой-то очень внутренний, очень деликатный. Среди прочего Н. Райт показывает, что воскресший Иисус совершенно не похож на себя же, преобразившегося на горе. И ставит вопрос: а стал бы сочинитель басни показывать главного героя таким обыденным в час Его величайшей славы? Почему Иисус, преобразившийся на горе, светится, а на Иисуса воскресшего спокойно смотрят, и не узнают Его, путают его то с садовником, то с паломником?

Действительно, интересный вопрос. Где бы приличествовала Сыну Божию

большая слава? Неужели же не в час Его победы над смертью, как Он изображается на иконах воскресения? И, однако, Его слава видится совершенно в другом: в тихом появлении, прохождении сквозь стены, во вкушении обычной пищи, в не заживших, но и не гноящихся более ранах...

Павел, увидав воскресшего Иисуса на Дамасской дороге и, побеседовав с очевидцами воскресения, именует его тело духовным. Рйт, ближе к нашему ученому веку, подобрал термин: трансфизическое. То есть, вполне реальное, то же тело, что страдало на кресте, но **более** реальное, с иными свойствами, и, прежде всего, нетленное. Может быть, законно было бы провести сравнение, что тело Христа вошло в наш мир, приобретя как бы новое измерение, став более объемным, более реальным, чем наше тело, получив больше, так сказать, степеней свободы. И при этом все евангелисты показывают, что Иисус является крайне деликатно, опасаясь спугнуть и расточить тех, кого пришел утешить и собрать. Поэтому его и узнают не сразу. Для этого же Он Сам приглашает потрогать Его руки и ноги. И нигде не демонстрирует все своего величия и силы.

Представьте на минуту, что мы, люди, существуем в двумерном пространстве некой плоскости, движемся по ней вправо-влево и вперед-назад, а что такое «верх» или что такое «над плоскостью» - не понимаем. Наши домики – нарисованные квадратики, а стены – их стороны. И вот на этой плоскости стоят точки А и В, разделенные прочерченной линией. Можно ли перейти из точки А в точку В, не пересекая ее? Объекту из трехмерного мира, который на нашей плоскости отображается лишь своей проекцией, это не составит большого труда. Он просто перешагнет линию, пройдя над ней или под нею. Но для существа плоского мира это станет величайшим чудом, прохождением через стену в двумерном пространстве. Ведь это существо не понимает никаких «под» и «над», не может представить себе, что это такое.

Иисус перешагивает через черту в нашем трехмерном пространстве, но не разрывает его само. И уже не зовет Петра пройти за собою. Ступает аккуратно.

Вот теперь уместно процитировать апокрифические евангелия, как там изображается воскресший Иисус.

В Евангелии от Никодима это целая поэма разных явлений, высокопарных речей, собеседований с воскресшими пророками, с ангелами, с Анной и Каиафой и членами синедриона. Напыщенно и велеречиво. Приведем лишь немного, как Иисус является заточенному в темницу Иосифу Аримафейскому:

«Когда вы заключили меня, - говорит Иосиф, - вечером дня Пасхи, и я пребывал в молитве среди ночи, вдруг весь дом как бы поднялся в воздух, и видел я Иисуса, как молнию, и в ужасе пал я на землю. Иисус, взяв меня за руку мою, поднял меня над землею, и облако покрыло меня, и, коснувшись лица моего, он облобызал меня и сказал: «Не бойся ничего, Иосиф, взгляни на Меня и узри, что это Я».

И я посмотрел на Него и воскликнул: «О, учитель Илия!». И Он мне сказал: «Я не Илья, я Иисус из Назарета, тело которого предал ты погребению». И я ответил Ему: «покажи мне гроб, в котором положил я Тебя».

Иисус, взяв меня за руку, привел в место, где я Его погребал. И Он показал мне плащаницу и плат, который возложил я на главу Его; тогда узнал я, что это был Иисус, и я поклонился Ему и сказал: «Благословен Грядущий во имя Господне!».

Иисус, держа меня за руку, привел меня в Аримафею, в дом мой и сказал: «мир тебе, и сорок дней не выходи из дома твоего, а я вернусь к моим ученикам» (гл. 15).

Вот, если люди сочиняют, это выглядит **так**. Причем очевидно, что сочинение берет за основу все детали первоначального рассказа и накидывает на них балахон

из блестящей фольги собственных фантазий. И молния, и облако, и к гробнице прогулялись, и в Аримафею сходили... Все и сразу.

А в каноническом Евангелии ничего этого нет.

Или вот текст Евангелия от Петра, тоже апокрифического.

«В ночь на воскресение, в то время как воины по двое стояли на страже, был глас великий на небе, и они увидели, что разверзлись небеса, и два мужа, озаренные ярким светом, сошли оттуда и приблизились к гробнице.

Камень же, приваленный к двери, упал и откатился в сторону, гробница раскрылась, и оба юноши вошли в нее. Воины, стоявшие на страже, увидев это, разбудили сотника и старцев, ибо и последние также охраняли гробницу, и, пока они рассказывали о виденном, снова они видят, как из гробницы вышло трое мужей, что двое из них поддерживают третьего, что крест следует за ними, что у двоих из мужей головы достигают неба, а у ведомого же ими голова проходит сквозь небеса.

И голос слышали с неба, гласящий: «возвестил ли ты усопшим?» И послышался ответ с креста: «да».

Итак, те, стоявшие на страже, после размышлений, решили пойти и сообщить обо всем Пилату».

Вот такая картинка. Уж воскресать, - так до неба вырастать.

Теперь по сравнению с такими текстами и поражает простота и безыскусственность канонического рассказа. Евангелисты, похоже, пишут со слов реальных очевидцев, которые не пытаются придумывать и раскрашивать лишние детали.

Особенность четвертая. Отсутствие личных надежд

Едва только хотя бы кто-нибудь из апостолов или последующих отцов Церкви начнет рассуждать о воскресении, он непременно свяжет этот краеугольный камень своей веры с личными надеждами на свое собственное воскресение и вечную жизнь с Господом Иисусом. Посмотрите для примера ключевые тексты Павла.

Послание к Ефесянам, 1 и 2 главы, тянущиеся, как единый текст без абзаца. Только сказал о воскресении и славе Христа, как переходит на *и вас, мертвых по преступлениям... оживотворил со Христом, и воскресил с Ним и посадил на Небесах* (Еф. 2, 1, 5-6).

К Римлянам 6, 4-5. *Мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни. Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения... Если мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним.*

И в Первом послании к Коринфянам вся 15 глава о воскресении Иисуса есть одновременно и обоснование нашей надежды воскресения. Собственно она и начиналась как обоснование веры в воскресение мертвых – и тотчас Павел прочно встал на фундамент того факта, которым является воскресение Христа. Тут даже не знаешь, с какого места процитировать – вся глава об одном, о победе над смертью, о сокрушении этого последнего врага и о нашей вечной жизни со Христом.

И во 2-м послании к тем же коринфянам главы 4 и 5, составляющие единое целое, опять говорят о том же: *Воскресивший Господа Иисуса воскресит через Иисуса и нас и поставит перед собою с вами* (2 Кор. 4, 14).

И это только немногие из многих мест, где повсюду воскресение Христа осмысленно в качестве основания нашего воскресения. Бог, воскресивший Сына

своего, даже и не мог бы лучшим образом разрешить все споры раввинов между собой об этом событии, о воскресении всех мертвых. Апостолы не только это понимают, они черпают силу для трудов, вообще всю свою жизненную мотивацию в этом именно факте. *Если мертвые не воскресают,.. для чего и мы ежечасно подвергаемся бедствиям*, - вопрошает Павел, упоминая далее о своих скорбях и опасностях (1 Кор. 15, 29-30). Вся его жизнь, растворилась, утонула в деле Христовом, - почему? Потому что Христос воистину воскрес из мертвых, и без него Павлу жить незачем. Именно это означают его слова: *уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20). Просто умерший и погребенный Христос никогда не смог бы жить в Павле, - который, кстати, при жизни на земле не был с Ним даже знаком.

Вся жизнь Павла, да и других апостолов, с какого-то момента стала поистине одной пасхальной песней в честь воскресшего Христа. И что ж тут можно было бы ожидать от евангельских страниц?

А вот на последних евангельских страницах обо всем этом нет практически ни слова. Евангелисты выписывают повествование, не сходя с повествовательного стиля: они пошли, она увидела, Он стал среди учеников. И все. Только Иоанн, как бы в порядке исключения (и заключения) выдавливая две фразы: *Много сотворил Иисус перед учениками своими и других чудес, о которых не написано в книге сей. Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его* (Ин. 20,30-31). Но и это заключение относится ко всему Евангелию, а не непосредственно к пасхальным страницам. И оно при этом не упоминает о вечных воздаяниях.

О чем все это говорит?

Н. Райт, подробно рассмотрев все эти четыре особенности евангельских концовок, приходит к выводу, что все они свидетельствуют о раннем, скорее изначальном, чем вторичном, характере всех четырех рассказов. Перед нами, поясним от себя, - как бы первичный протокол о свершившемся событии. Протокол содержит существительные и глаголы изъявительного наклонения и показывает исключительно последовательность событий, притом исключительно «по эту сторону» бытия, так как видели их люди. Сами очевидцы при этом ошарашены всем увиденным, у них еще нет осмысления всего происшедшего. Большое видится на расстоянии. Великое событие для осмысления потребовало определенного времени. Даже апостолы, спустя тридцать лет, осмыслили все совершившееся еще не до конца. (До конца осмыслили лишь отцы церкви приблизительно II-V века, пройдя через опыт тринитарных и христологических дискуссий).

И сейчас по такому поводу мы скажем только одно: слава Богу!

Независимо от того, когда были записаны в Евангелия их последние главы всеми четверьмя авторами, они сохранили эту первичную информацию практически без интерпретаций. Хотя, быть может, именно в это время Павел уже давал все те толкования воскресения, малую часть которых мы упомянули выше. И Петр, с первой проповеди в Иерусалиме уже проводил связь между фактом воскресения Христа и «оргвыводами» для своих слушателей. Но очень важно, что евангелисты в своем писании сохранили эту первичную, как нетесаный камень, хронику событий, не разбавив ее никакими оценочными суждениями, не сделав ее даже отдаленно похожей на те произведения человеческой фантазии, что мы видели на страницах евангелий апокрифических. Подлинные Евангелия не таковы, - и это заметно любому читателю, в любом переводе. Это драгоценно для нас и для нашей апологетической проповеди сегодня.

Мессия не может умереть

Райт назвал все эти обстоятельства (и названные особенности Евангелий, и все представления древних о посмертии) вызовом для историков. Им поневоле приходится каким-то образом объяснять известный исторический факт: возникновение христианского движения практически сразу, мгновенно после смерти его Основателя. Возникновение движения, в котором споров было немало обо всем, но практически никто всерьез не оспаривал, что Иисус воскрес из мертвых в теле. (Даже эвиониты конца I века признавали этот факт, а современные им гностики лишь пытались его переосмыслить в спиритуалистическом смысле).

Это надо как-то объяснить.

И Райт показывает, что предложенные объяснения, берущие за свою основу формулу: «умер – и все», - здесь совершенно не срабатывают. Апокрифические евангелия прекрасно показывают, как именно должна была выглядеть история воскресения, если бы она была сочинена задним числом.

Райт не оговорил еще одно важное обстоятельство.

Иудейское предание гласило, как непреложную истину, что Мессия не может умереть. Иисус называл Себя Мессией и давал это делать другим совершенно открыто. За Ним шли, как за бессмертным Царем. Смерть такого человека перечеркивала в глазах его последователей абсолютно все доброе и чудесное, что Он совершил. Сколько бы Он ни исцелил других, сколько бы ни воздвиг парализованных и очистил прокаженных, но если, притязая на бессмертие Мессии, в конце концов все-таки умер, значит, не Мессия, значит, ошибался (или даже обманывал). Смерть здесь должна была служить последним и самым справедливым судом. Умерший, а тем более казненный как последний преступник среди преступников, никак не мог бы по смерти быть назван Мессией. Чтобы просто не оскорбить само великое звание Мессии.

И вот, после смерти такого человека в глазах его последователей теряло смысл любое собрание в его честь и память. Тем более, собрание, уже вызвавшее преследование в своей, иудейской среде и, как минимум, тяжелое подозрение у римлян. Тут тот самый случай, когда нужно разбежаться во все стороны по одному и никогда больше не вспоминать, что когда-то ты тоже был с Иисусом. И мы видим у евангелиста Луки, что как только кончилась суббота, двое из учеников уже бегут из города. Они ушли бы и в субботу, если бы не знали, что само такое перемещение привлечет к ним внимание властей.

Если это принять во внимание, то придется согласиться с тем, что никакое вообще собрание учеников и последователей Иисуса в одном месте на одних поминках было бы совершенно невозможно, причем сразу, уже через неделю. Все разбежались бы по родным галилейским весям, и постарались бы никогда не вспоминать о тех ужасных событиях. Они никогда бы не принимали участия ни в каких мессиянских движениях, а слова Царствие Божие не произносили бы совсем. Они совершенно не смогли бы вместе рассуждать и медитировать о том, принял ли Бог душу Иисуса и какова Его загробная участь. Избегая самых встреч друг с другом, они и при случайной встрече не произносили бы самого имени своего Учителя, храня по отношению к Нему чувство горечи и обиды за такой великий обман.

Соответственно, и до нас никак не могло бы дойти какого-то свидетельства о жизни и смерти Иисуса. Как не знаем мы имен других современников Иисуса, притязавших на звание Мессии.

Все это обязательно было бы, если бы **великое событие** не произошло бы прямо

на вторую ночь.

Так что гипотеза, с которой мы начали эту часть книги, и которую опровергает Райт, на самом деле несостоятельна еще на шаг раньше. Как мы помним, в ней предполагалось, будто ученики в память Иисуса еще как-то собираются и общаются между собой, помнят что-то доброе за Ним, им почему-то начинает казаться, что Бог принял душу Иисуса. Но простите, откуда взято само это предположение, что ученики собирались вместе и поминали Иисуса добром? Почему никто не озадачился тем, что это совершенно невероятно, - в контексте представлений учеников Иисуса и в той обстановке, в которой они оказались, лишившись своего лидера?

Исповедав себя Христом, Иисус, как теперь сказали бы, поднял ставки на самый верх. Выше просто некуда. Падение с такой высоты разбило бы Его имя, память о Нем, все Его добрые дела вдребезги. Можно с уверенностью предполагать, что это именно и произошло – на один день той великой и страшной субботы. Если Иисус, в соответствии с прообразом Ионы, пробыл бы в недрах земли три дня и три ночи, то выйдя к вечеру понедельника из гроба, Он никого из учеников своих не застал бы в Иерусалиме.

Собрать учеников воедино и вооружить их словом проповеди о том, что их Учитель жив и именно остается Мессией, могло только самое невероятное чудо. Чудо, меньшее, чем воскресение Иисуса из мертвых, тут не подойдет.

И уж, конечно, ни один нормальный человек не принял бы всерьез рассказы бывших учеников, если бы они учили, что Иисус, должно быть, жив бессмертной душой в некой «стране за океаном».

- А, все понятно, - ответили бы им, покручивая у виска пальцем.

Два условия веры в воскресение Христа

Вряд ли имеет смысл доказывать очевидный факт, что ученики Христа, вплоть до самого воскресного утра не верили, что Он воскреснет из мертвых, что такое событие может произойти не в последний день мира. Они сами признают это в Евангелии, и нет никаких разумных причин в этом сомневаться. Но позже они уверовали в воскресение. Спрашивается: на основании каких доводов или доказательств?

Не только Райт, но и другие исследователи соглашались в том, что таких доказательств суть два. Первое – пустая гробница (причем, ее первое посещение женщинами сопровождалось необычайным явлением ангелов); а второе – явления самого воскресшего Иисуса ученикам. Если эти доказательства взять по отдельности, то ни одно из них недостаточно для того, чтобы всерьез увериться в свершившемся факте, но вместе их вполне достаточно для этой цели.

В самом деле, опустевшая гробница сама по себе еще ни о чем не говорит. Любой пришедший к ней может заподозрить в ее опустошении «человеческий фактор». А сами по себе явления еще не способны удалить подозрений в галлюцинации или некоем явлении души умершего. Но вместе, из обоих элементов картина складывается достаточно убедительно: оттуда исчез, а здесь появился. Ученикам Христовым (не только из двенадцати) этого хватило, чтобы поверить.

Два условия вместе составили **достаточное** основание для принятия события. Но являются ли они **необходимым** условием? Можно ли без них объяснить такую уверенность учеников, что Иисус подлинно воскрес из мертвых? В ответе на этот вопрос Райт осторожен: действительно, очень сложно гарантировать полное

отсутствие любой иной версии. В мире все может быть. Но тут уж бремя доказательства лежит на стороне оппонентов. Они утверждают, что воскресения Иисуса не было, - им и выдвигать альтернативные версии, пусть расскажут, как могло быть на самом деле по-другому. Пока то, что они выдвинули, мы уже рассмотрели. Версия рассыпается, как песчаный куличик в руках.

Пустую гробницу и явления Воскресшего Христа уподобляют двум столбам, на которых покоится арка веры в воскресение. Но в целом храм христианской веры не сводится к одной арке. В свете воскресения Иисуса оживляются Его слова о том, что Он и есть Мессия, избранный Царь Израиля и Спаситель всех людей, по крайней мере, верующих в Него. Подтверждается самое невероятное из еврейских чаяний о том, что Христос, Мессия не увидит смерти. Был ли на земле человек, который не увидел бы смерти? Даже про Илью и Еноха мы не можем этого гарантировать. Если честно оценить библейское о них свидетельство, то следует признать их пропавшими без вести при таинственных обстоятельствах.

А теперь третий столп храма утверждается наиболее прочно: да, Иисус и есть Мессия, бессмертный Царь. Он овладел не странами на планете земля, он покорил и разорил самую страшную для людей страну – узилище мертвых. Он не просто зашел туда и сумел выйти обратно – так произошло, скорее с Лазарем, которому надлежало вновь умереть до общего воскресения. Иисус же пробил эту страну, вышел как бы с другой стороны. Над Ним смерть уже не властна, она уже смыкалась над Ним, - и отступила от Него навсегда. Непроницаемое прежде хранилище мертвых оказалось пробитым насквозь, и сколько из него вышло на ту сторону бытия вслед за Иисусом, - ведомо лишь одному Богу.

А ученики проповедуют далее со спокойной уверенностью, что обещанный от Бога Мессия, Бессмертный Царь уже пришел, и теперь уже нет нужды ждать, пройдет ли Он испытание смертью, эту главнейшую проверку на мессианское достоинство. Эта проверка уже пройдена. Отсюда и вывод: следование за этим уникальным Божиим Посланником и есть единственно правильное решение для всех, кто желал бы тоже оказаться на «той стороне бытия», то есть, как Райт говорит, в жизни, следующей за «жизнью после смерти». Которая и является воскресением.

Лишь позже, но уже во времена апостолов, трудами и гением Павла уяснятся еще две истины об Иисусе Христе. Первая в том, что Он через смерть и воскресение явился искупителем нас от вечной смерти. А вторая – что Он есть Сын Божий в природном смысле этого слова, то есть, Единородный, сущий прежде твари, которым и ради которого все создано. Эта высокая христология, как ее называют, является для нас, если не прямым, то все-таки неизбежным следствием факта воскресения Христа из мертвых и всего Его служения роду человеческому.

Часть третья. Наши надежды

Итак, как оказалось, воскресение Иисуса Христа есть историческое событие, а не просто что-то такое из области мифа или духовной аллегории. Как выразился Райт: «идею о том, что вера не имеет ничего общего с историей, многие годы столь популярную в определенных кругах, давно пора с почестями похоронить». Воскресение и стало прорывом с «той стороны» мира на «эту сторону», в нашу человеческую историю, в нашу реальность.

Из чего любой человек-реалист должен бы делать практические выводы. Первый из них: это напрямую касается меня.

Здесь снова хочется привести слова Райта.

«Именно это, конечно, имеют в виду, когда говорят, что вера в воскресение «нас тесно касается». Есть разные уровни подобных утверждений, которые нас касаются. Если, спускаясь по улице, я говорю: «Думаю, это был 10-й автобус», — это утверждение задевает меня лишь в минимальной степени: я не хочу ехать туда, куда идет 10-й автобус, я в любом случае предпочитаю пойти пешком. Но если, направляясь на важнейшее свидание, я добежал до остановки и, переводя дух, отчаянно гляжу на пустую улицу и говорю: «Наверное, это был 10-й автобус», — зная, что следующего не будет как минимум два часа, и у меня нет никакой иной возможности прибыть вовремя, — это утверждение не только касается меня, оно погружает меня во мрак. Штука в том, что нельзя сказать «Иисус из Назарета был воскрешен из мертвых телесно» - столь же отвлеченно, как я думал в первом случае об автобусе. Если это произошло, это значимо. Тогда мир — совсем иной по сравнению с тем, каким он был бы без этого события. Тот, кто это утверждает, вынужден жить в таком ином мире, в этой иначе представленной вселенной диалога, воображения и действия».

Воскресение Иисуса из мертвых касается нас двояко. С одной стороны, оно нам что-то дает, даже резче: оно хочет нам что-то дать, причем так, чтобы мы взяли, а не бросили дар. С другой стороны, оно нас, конечно, обязывает. Мы должны впустить это событие в свою жизнь не только в качестве надежды, но и в качестве определенной мотивации для наших поступков. И это даже не только условие получения дара, а некий «категорический императив»: должны — и все.

Об этом тоже доходчиво сказал Райт:

«Именно оттого, что в этой точке мы сталкиваемся с мировоззренческими вопросами, тут нет нейтральной почвы, нет острова посередине эпистемологического океана, пока еще не колонизированного каким-то из воюющих континентов. Мы не можем просто сюда прийти и сделать торжественное заявление, как Фрэнсис Дрейк при захвате Калифорнии, и предложить всем местным жителям нам подчиняться. Когда мы утверждаем, что «Иисус из Назарета был телесно воскрешен из мертвых», — это не просто затрагивает наши интересы, это нас к чему-то обязывает: такое утверждение выходит за пределы пересмотра нашего частного мира, оно взваливает на нас обязательства работать над его следствиями. Мы не можем попросту водрузить флаг на холме, сесть в корабль и отправиться домой, в безопасное место».

Чаем воскресения

Символ веры разложен на 12 членов. Десять содержат или подразумевают впереди себя слово «верую»: во Единого Бога, и в Господа Иисуса и т.д. А последние два предваряются словом: «чаю», что значит, надеюсь. Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Надежда — это штука более личная, чем вера, и уж во всяком случае, более обязывающая и мотивирующая человека.

Итак, после воскресения Христа мы получаем надежду, высоко превосходящую чаяния маккавейских мучеников и фарисеев. Надежда с тех пор обоснованна и утверждена, но с сожалением приходится констатировать, что в современной христианской церкви она подверглась некой эрозии.

Тому была важная объективная причина, не способная, однако, послужить достаточным извинением.

Вера в воскресение эсхатологична, она встречает последний День, она готовится к нему. Мы говорили, что иудеи и христиане, верующие в воскресение, ставили сей век

и будущий век **последовательно**: второй за первым. Но если этот космический переворот все никак не приходит на нашу планету, на которой люди умирают одно поколение за другим, то поневоле эсхатология перестраивается из последовательной в **параллельную**. Наш век – он здесь, на земле, а будущий век живет какой-то своей параллельной жизнью. Где он живет? – Сейчас мы не говорим таких слов, как «за океаном», как эссеи у Иосифа Флавия, но подразумеваем, что это некое «где-то» все же существует. Но наша ошибка и наша ограниченность заключается в том, что мы подразумеваем время абсолютным, равно текущим здесь и там. А это не так.

Нам кажется, что вопрос: а что **сейчас** делает моя почившая бабушка? – вполне законен. Мы простираем наше «сейчас» в то самое состояние, которое именуется или «будущий век», или «царство усопших». Хотя это две разные вещи, и мы это понимаем, но приложить наше «сейчас» ни туда, ни сюда невозможно.

В утешение для нас Бог открыл ученым, что время относительно даже в нашем мире. Рассмотрим пример.

Допустим, я живу на земле, а мой брат путешествует в звездолете со скоростью, близкой к скорости света. Допустим, между нами могла быть какая-то связь, пусть с опозданием, и я датирую свое письмо ему 1 января 2045 года 19-35. И спрошу: а что ж ты делаешь в **этот момент**? Это трудно нам представить, но для него вообще не было **этого момента**. У него там не 2045-й, а вовсе даже 2035 год. И часы у него нормальные, но время в его системе течет иначе. Околосветовая скорость относительно звезд замедляет его часы.

Другой пример. С его звездолетом случилась беда. Он захвачен в гравитационное поле черной дыры и стремительно по спирали падает на нее. С точки зрения стороннего наблюдателя это занимает краткое время, но в своем звездолете он в этом падении проживет целую спокойную жизнь и еще умрет естественной смертью, прежде чем упадет. Огромная гравитация ускоряет время.

И нельзя, незаконно спрашивать: а как ты сейчас? Нет этого общего «сейчас» у двух таких объектов одной вселенной. Разные часы, разный ход времени.

Два объекта в одной сотворенной вселенной живут в разном времени. Повторю: это непредставимо, мы ломаем свое воображение, но никогда этого не поймем. Мы с таким космонавтом **не существуем параллельно**.

После этого громадный вопрос: а существуем ли мы параллельно, в одном времени, с нашими усопшими? Можем ли запросить Бога: а что они сейчас? Ответ, скорее всего, таков, что наш «сейчас» туда не простирается. Никто оттуда не поймет, что такое наше это сейчас.

И более серьезный вопрос, - разумеется, тоже без ответа. То, что именуется в Писании веком будущим, оно последовательно или параллельно с нашим веком? Очень возможно, что не так и не этак. И сам вопрос не правилен. Если бы мы могли разрешить тот самый классический парадокс близнецов из теории относительности, могли бы это реально представить, то, может быть, смогли бы понять ответ и на поставленный вопрос, когда бы нам его разъяснили.

Но наш привычный взгляд, не понимающий относительности времени, созерцает нас здесь, а наших умерших **одновременно с нами**, сей же час, где-то «там». И мы не можем по-другому. Здесь мы ждем тысячу лет – и они там ждут тысячу лет. Мы ждем другую тысячу – и они тоже.

А может быть, все совершенно не так. Наши миры не параллельны по времени.

Между тем, в обыденном религиозном сознании господствует мысль, что усопшие христиане веками ждут в развоплощенном виде «голой души», проходят какие-то

мытарства, может быть, по молитвам Церкви становятся более способными воспринять Божию благодать. И все это длится параллельно с нашей историей, пока планета под действием научно-технического прогресса прикажет наконец долго жить. И пока воскресения всех мертвых не произошло, «время работает» на Платона. Да, развоплощенные души «за океаном», все как у него и у Флавия. Постепенно и наша мысль смещается с Дня Господня на этот параллельно существующий мир «платоновых» душ.

Но если время не абсолютно, и в том мире протекает не так, то вся эта картинка рушится. Она стояла лишь на абсолютности времени, на законности установления одновременности двух событий: здесь и там.

А если эта одновременность невозможна в принципе? Мы не фантазируем и не пытаемся построить какую-то свою модель. Наоборот, наша задача сейчас поставить под вопрос модель явно слишком простую, по-детски примитивную, которая не работает даже внутри нашей вселенной. Предложить вместо нее что-то иное у нас нет никаких положительных оснований.

Воскресение по эту сторону

В противовес платонизму евреи еще до Христа мыслили воскресение мертвых, как событие по эту сторону бытия. Воскреснут именно земные тела и получат новую жизнь. И тогда они уже встречали вопрос про съеденные рыбами или падальщиками тела людей. Как воскреснет тело, части которого уже стали частями хищников, и, возможно, других людей?

Тогда уже постепенно приходило понимание, что тело человека – это не сумма атомов, составляющих это тело в данный момент. С периодом в несколько лет тело обновляет все входящие в него атомы. За время человеческой истории, если бы атомы были помечены, некоторые из них побывали бы во многих человеческих телах. Но как река не есть сумма протекающих сейчас в ней капель, так и тело не есть, конечно, сумма протекающих через него атомов. Это, прежде всего, разумно устроенная структура. Причем уникальная для каждой человеческой особи.

Что же значит воскресение тела с учетом сказанного?

Поясним примером. Допустим, у нас было изготовлено некое техническое изделие – ракета средней дальности. По известному договору в определенное время все экземпляры его были уничтожены. Осталась «душа» изделия – его чертежи и техническая документация. Можно ли изделие воскресить? Можно. Что это будет значить? Что найдется новый конструктор, преемственный со старым, он возьмет эту документацию, поймет ее, доработает и построит новое почти такое же изделие. Оно будет создано из нового металла. Обломки старой ракеты сваривать обратно никто не станет. Тем не менее, ракета будет именно воскрешена, именно та самая, что была уничтожена. Может быть, улучшенная в процессе своего воскрешения из мертвых.

Нечто аналогичное и здесь.

Воскресить меня – это не обязательно означает включить сохранившийся обломок моего недогнившего черепа в новое тело. Это значит создать тело адекватное моей умершей душе и схожее с тем телом, что она носила на земле. Причем, если это тело, как у воскресшего Христа, будет телом духовным, трансфизическим, нетленным, то и законы его функционирования тоже должны быть не такими, как в этом тленном мире. Может ли нетленное тело, духовное тело жить в той природе, которая подвержена всеобщему тлению? – Вряд ли. Не потому ли не остался

воскресший Иисус на земле? И не это ли имел в виду Павел, когда в той же главе (1 Кор. 15) о воскресении во плоти вдруг вставляет строки, звучащие диссонансом: *плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия и тление не наследует нетления* (15, 50). Что это? Обратно к Платону? Только душа что ли наследует Царство? Нет. Но если прочесть текст так, что суть воскресения не в том, что бы «старые атомы» вернулись на свои места, а в том, что воссоздается и исправляется хороший **старый проект** в комплексе, с исправлением привнесенной в него где-то порчи, то противоречие мигом снимается.

Если вернуться к началу нашей книги и вспомнить, что идея воскресения изначально, еще у Маккавеев, прямо соотносится с креационистской идеей хорошего творения, то воскресение в теле и должно оправдать изначальный замысел Творца. Замысел был в том, что соединение духовной и физической природы в одном творении – это хорошая, достойная идея. Такой полу-ангел и полу-животное, каковым является человек – это удачная находка Творца. Этому проекту нужно дать жизнь, очистив его от той неизбежной издержки, которая связана со свободным выбором человека и наложилась со времен Адама на весь наш род. Если человека очистить от греховной порчи, и как следствие, от тления, то Творец наконец достигнет цели своего изначального разумного и доброго замысла. Воскрешение мертвых на основе, разумеется, искупления и освящения человека, становится завершением творческого замысла.

Если перед нами открывается замысел такого масштаба, то, право же, не стоит подражать тем раввинам, которые подсказывали Господу, как воскрешать человека: начиная с костей или с мягких тканей. Вполне возможно, даже вероятно, что это все Творец осуществит не в нашем времени и не в евклидовом пространстве, которые не работают даже в масштабах нашей вселенной.

Картина может оказаться куда более сложной и захватывающей, чем собирание поля сухих костей!

Еще одна аналогия. С пространством

Духовное, нетленное тело... Мы говорили, что воскресший Христос явил свое тело вполне реальным, но превосходящим законы мира сего. Он проходил через закрытые двери, появлялся и исчезал, когда хотел. Тогда же мы говорили об аналогии с миром двумерным, лежащим на плоскости, обитатели которого не имеют понятий: над и под. В этом мире, где домики очерчены линиями, любое трехмерное существо, воспринимаемое лишь как проекция на эту плоскость, поистине совершит непостижимое чудо, когда перешагнет над черточкой домика.

Добавьте будущему миру четвертое пространственное измерение. В нем Иисус легко перешагнет через любые наши стены. А в нашем мире будет восприниматься лишь проекция его тела. Она отражает его таким, как Он есть, подобно тому, как фотокарточка отражает реальный трехмерный портрет (или статую). По фотокарточке можно опознать реального человека, это очевидно, но так же очевидна разница двумерного и трехмерного изображения.

Предположите только, что у духовного тела существует еще одно измерение – и задача прохождения через стены у вас решится несложно.

Никоим образом я не предлагаю объяснения того, что видели свидетели воскресения. Просто хочу показать, что реальность всего того, что совершил Бог в Иисусе, наверное, гораздо глубже, серьезнее, больше, чем наш взгляд на мир, в рамках которого пространство однородно и трехмерно, а время абсолютно. В наших

пространственно-временных представлениях картина будущего века, на мой взгляд, просто не помещается.

Ведь представления о воскресении уже существенно возвысились после прикосновения к Воскресшему духовному телу. Мудрено ли, если и еще усложнятся?

Одного опыта общения с воскресшим Христом было достаточно, чтобы прежнее фарисейское представление о воскресении изменилось в важных чертах (и это, кстати, по полочкам разбирает Райт):

- оно переместилось с конца богословия в его центр,
- возникло учение о Первенце из мертвых, Иисусе, который воскресает раньше общего воскресения, а остальные – вслед за Ним,
- и воскресшее тело стало предполагаться не тождественным по своим свойствам телу смертному (духовное, оно же трансфизическое тело).

И так, повторим, верили практически все первые христиане до появления гностицизма.

Так что же удивительного, если и наши представления, так и не превосходящие Аристотелеву физику и Платонову метафизику, в этом вопросе окажутся не отвечающими действительности?

Вечный покой сердце вряд ли обрадует?

А для чего, - спросит читатель, - вы подрываете наш привычный взгляд на время и пространство, если и не пытаетесь предлагать свою собственную модель? В чем поправка?

А поправка будет нравственного характера. И это важно.

Пока на земле общий конец, так ожидаемый в апостольском веке, застопорился, возникло представление о царстве мертвых, параллельном земле и существующем в том же времени. Платонова картинка возвращалась: развоплощенные души живут в своей стране, но по нашим часам. А коли так, то сама идея нового века, Дня Господня, отодвинулась не просто в будущее. Эта идея ушла в тень. Она выпала из сознания. Все осталось прежнее, языческое: хорошо живи - и в царстве мертвых попадешь в хорошее место. Постепенно возникает и учение о частном суде над каждой душой, покинувшей тело, о мытарствах. И частный суд и мытарства совершаются в духовном мире, «за океаном», но в то же самое время, в котором живем мы. В таком представлении Воскресение Христа не меняло ничего.

И постепенно сохраненная эллинская метафизика притянула в христианское сознание актуальность вопроса о бессмертной душе. О которой надо позаботиться.

Райт показывает, как это произошло на Западе. И что именно из этого эллинского представления и выросла гипотеза о происхождении веры в воскресение Христа. По сути, дело дошло не менее как до отрицания самого этого факта. Якобы все шло по накатанной языческой стезе: душа покинула тело, и стало ей хорошо. А потом, дескать, из осознания этого родилась вера в воскресение Иисуса с телом.

Так получилось на Западе. А на Востоке, даже если до этого еще не дошло, то все равно обыденное сознание рядового христианина все равно кружится между двумя мирами в одном времени: тело на земле – душа на небе.

Все внимание православного заупокойного богослужения завертелось на мысли о упокоении души. Слово «упокоение» в таком контексте не является новозаветным. Там есть усопшие и почившие, но просить для них покоя – это не библейская, а языческая идея. Вспомним: тело, как темница для души, приносит душе страдания, обуревают ее страстями, а покинув свою темницу, душа добродетельная обретает

наконец покой. Она отдохнет, упокоится от жизни.

Удивительно ли, что когда такое понимание вошло глубоко в обиход, из-под коряги вылезает поэт и задает искустельный вопрос: вечный покой сердце вряд ли обрадует? И как будто, хочется сказать: вроде, да...ой!

Змей в Эдеме тоже начинал с какой-то банальной лжи, облеченной в вопрос: правда ли, что Бог не разрешил вам есть ничего? Так и тут. Вечный покой сердце, действительно, не обрадует, но Бог обещал не его! Вот в чем дело!

Иисус обещал нам не вечный покой, а жизнь с избытком. *Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком* (Ин. 10, 10). Вот Его слова. А о покое, об «отдыхе от жизни» Он не говорил ровно ничего.

Как и в случае вопроса о бескорыстном служении Богу, враг нашего спасения начинает убедительно развенчивать некое неверное представление, усвоенное нами, и под сурдинку разрушает уже самые основания веры! Вот в чем уже настоящая духовная опасность. Тут время бить тревогу.

Очищение души от страстей, как от самых внутренних проявлений греха (так оно в классике православной аскетики) стало пониматься в просторечии, как затаптывание всех нормальных проявлений жизни. Немногие действительно пытаются сами двинуться этим путем, а точнее: заставить своих духовных чад пойти этой дорогой. Большая часть, естественно отвращаясь от этого, вообще уходит в сторону, как от православной аскетики, так и от всякой мысли о посмертном воздаянии. Тяжело человеку, приближающемуся к порогу, внушить, что Иисус позвал нас на пир, на жизнь с избытком, что христианина ждет не подобие Гомеровского Аида с тенями Гектора или Патрокла. Речь о упокоении души никогда невозможно было бы вставить в уста мучеников-маккавеев, в уста христианских мучеников. (Такую примерно речь произносит у Иосифа Флавия последний из лидеров иудейской войны Елиазар накануне падения Масады). Наше ожидание гораздо выше и больше. Мы вроде бы даже это понимаем, но ожидание наше как-то постепенно отодвинулось на задний план.

Если внимательно рассмотреть все классические тексты православного богослужения об умерших (8 канон и 8 комплектов стихир Октоиха и службы Триоди), то, конечно, там есть упоминания о Дне Господнем, о воскресении во славе. Конечно, проводится связь всего этого с воскресением Христа. Но такие тексты в этих службах – признаем честно – не в большинстве. А остальное – про упокоевание. Если учесть, насколько современная приходская практика режет по живому всю эту богослужебную классику, то, что в итоге отпечатается в сознании простого православного прихожанина? Чего он просит для своих усопших, соответственно, примеряя это все в скором времени и на себя? То, что на слуху в заупокойной ектении и в молитве, обычно на ней читаемой священником вслух. А что там?

- упокоевание души,
- оставление грехов,
- Царство Небесное (без особых уточнений).

С этим вполне согласятся Гомер и Платон.

И лишь одно словечко в начале возгласа: *Яко Ты еси **воскресение**, живот и покой...* И, конечно, ни тени помышления, что воскресение в живот – это точно не покой. Это другое. Это гораздо лучше. На это стоит надеяться. Воскресение в живот – это именно то, что обещал нам Бог в Иисусе Христе. И даже показал, как оно примерно будет, на Себе самом.

Я никоим образом не за то, чтобы православные порезали свое заупокойное богослужение. Напротив, я за то, чтобы мы не сокращали его, а вникали в смысл

часто сокращаемых оттуда стихир и канонов. А там случаются очень сильные слова. Например:

Христос воскресе, разрешив узы Адама первозданного и адову разрушив крепость. Дерзайте, вси мертвии: умертвися смерть, пленен бысть и ад с нею, и Христос воцарися, распныйся и воскресый. Той нам дарова нетление плоти, той воздвизает нас и дарует воскресение нам, и славы оныя с веселием нас сподобляет, в вере непреклонней веровавша тепле в него (глас 8, служба Мясопустной субботы на хвалитех). Слова «упокоение» здесь нет.

Упокоение, потеря душою жизненных функций, апофеоз и апатия (таковы оригинальные греческие слова) возвещают нам все-таки хотя бы частичную «реабилитацию смерти». Хотя бы на время нашей жизни мы проваливаемся во времена не приблизившегося Царства Божия, в мир надежд дохристианских по своей сущности.

Последний раз в этой книге процитирую Райта длинным абзацем:

«Согласно типичному иудейскому представлению о зле, отраженному, например, в Книге Премудрости Соломона, тварный порядок сам по себе не есть зло, но люди, предавшись идолопоклонству, извратили собственную человеческую природу, сведя ее к греху, чем вызвали порчу и, наконец, смерть. Смерть—уничтожение творений, несущих на себе образ Творца, — рассматривалась не как что-то доброе, но как враг, которого надо поразить. Это последнее оружие разрушения: антитворение, бесчеловечность, антибог. Если Бог Творец был и Богом Завета и если Завет был дан для того, чтобы разобраться с неприятной проблемой, поразившей тварный порядок в самое сердце и испортившей самих людей, тогда нужно было поразить именно этого врага — смерть. Позволить смерти идти своим путем — пойти на компромиссное соглашение, по которому смерть берет тела людей, но Творцу позволено хранить их души, — не было решением, во всяком случае решением той проблемы, которая стояла перед иудаизмом периода Второго Храма. Вот почему «воскресение» никогда не было новым вариантом смерти, но всегда ее сокрушением».

Так вот, я за то, чтобы мы возвращались к изначальным евангельским надеждам. Вполне возможно, что «мир усопших» настолько не параллелен нашему по времени, что на «выходе из туннеля» душа, покинувшая тело, сразу и облечется в воскресшее тело, и увидит весь наш мир от Адама и до последнего дня (который тут еще не наступил, но наступит), как на одной картинке. Все может быть. Вполне возможно, тысячи лет томиться в развоплощенном состоянии, стараясь «упокоиться», нашим душам вовсе не придется, как и душам тех, кто умер на земле две тысячи лет назад. Уберите абсолютное и параллельное время, как аксиому своего сознания, — и готовьтесь к любым неожиданностям.

Впрочем, на то они и неожиданности, что подготовиться к ним сложно. И все-таки ожидание жизни с избытком — это не про вечный покой. Это другая надежда, другая мотивация, рождающая другое благодарение к Богу, другое терпение, другое действие уже здесь, на земле.

Почему бы не вооружиться именно этой, евангельской надеждой и мотивацией?

Уникальность христианства

Факт воскресения Христа, подтвердивший идею общего воскресения, делает христианство уникальным в мире всех прочих религий. Если не разбирать сейчас

вопроса о соотношении христианских конфессий между собою, а взять христианскую веру вообще. «Гвоздем» ее является именно чаяние воскресения. Как во времена Иисуса то было уникальное еврейское чаяние, так и теперь. На воскресение надеются христиане (это понятно), а еще иудеи и мусульмане. Но только христианским достоянием остается уникальный опыт Иисуса на эту тему.

Если вас пригласят на обед, и вы пожелаете прийти, то избежать какого-то приветственного поклона хозяину (не говорим уж о подарке, о высказанной благодарности, о разговоре), у вас не получится. Хозяин зовет в свой дом. Даже если он арендовал ресторан, то на время аренды, этот ресторан все равно становится территорией хозяина.

У воскресения мертвых на данном этапе имеется один Хозяин. Он всем предложил: вот это у меня есть, и если оно вас интересует, пожалуйста, приходите ко мне. Когда мы вслед за апостолами выделяем христианский путь, в качестве уникального на всем религиозном поле, то это не у нас есть на то основания. Это у Иисуса Христа и только у Него имеются такие основания. Обоснованные исторически. Купленные Им дорогою ценою. Некрасиво было бы с нашей стороны их замалчивать.

А наши слушатели, не являющиеся христианами, делятся на две большие группы. Или они ждут воскресения мертвых, - и тогда мы показываем им на Христа: вот, мол, с кем вам предстоит объяснение по этому вопросу. Тут есть о чем вам подумать.

Или же, вторая группа не ждет воскресения мертвых, а мечтает о нирване или о чем-то в этом духе. Эти и так сообразят, что с идеей воскресения христианство в своем роде уникально. Ну что ж, если не желают сами поменять свои взгляды на посмертное бытие, пусть чают, чего хотят. Мы же не знаем, быть может, они и получают нечто вроде ожидаемого, эту самую нирвану. Насколько они ее описывают и на фоне приведенных мыслей о воскресении, - нам ничто не мешает считать их чаяние самым настоящим адом. Но это уже вопрос терминологии или вкусовых предпочтений.

Искупление и воскресение

Мы же в свете всего сказанного не можем пройти мимо вопроса о нашем искуплении. Об этом в Церкви на протяжении ее истории спорили немало. Со времен св. Григория Богослова (как он это констатирует в знаменитом 45-м слове на Пасху) вопрос постепенно завертелся вокруг одной мысли: **кому** принесена Голгофская жертва? И тут Запад с Востоком существенно разошлись между собою.

На Западе со времен Тертуллиана (и ранее) привыкли считать, что Жертва приносится Богу Отцу за наше прощение. А на Востоке (судя по тому же Григорию) на уровне IV века просто не решались выговорить ответ, понимая, что ни Богу, ни дьяволу приписать принятие этой Жертвы будет несообразно.

Но именно факт воскресения здесь вносит некоторую ясность.

Действительно, если бы Иисус не воскрес, никакого христианства на свете бы не было, никаких учеников Иисуса, последовательно передающих какое-то учение и какие-то надежды, не осталось бы. Имя Иисуса не сохранилось бы в истории. Это ясно, как день. Но тогда о каком искупительном характере Его смерти имело бы смысл вести речь? Даже если бы по какой-то иронии судьбы о нем сохранилась бы где-то упоминание, его смерть не могла бы значить для нас чего-то больше, чем смерть, положим, Сократа. Или Муция Сцевола. Маккавейский старец Елиазар, замученный за отказ вкушать свинину, внушал бы большее почтение.

И с другой стороны, если Богу Отцу нужна смерть какого-то невинного человека ради оправдания остальных и притом виноватых, то и воскрешение праведника в этой системе становится чем-то излишним. Даже чем-то мешающим. Ведь если нужно, чтобы оный Праведник умер, то и забрать его нужно в царство мертвых, чтобы он именно там заместил тех, кого вместо него отпустят.

Но воскресение лишает Голгофскую жертву этого заместительного характера. А придает ей характер победительный, а не заместительный. Воскресение упраздняет (по Павлову слову) последнего врага, каковым является именно смерть. Бог не вступает со смертью в обменные отношения, уже не остается место слову «заместить». Никого не замещают. Смерть должна быть разрушена и попрана. Она и потерпела первый, но сокрушительный удар. И попрана она смертью же – смертью Иисуса Христа.

Поэтому более распространенный на Востоке образ Искупления, как жертва воина в бою, гораздо точнее описывает все произошедшее. В гораздо большей степени мы примирены с Богом не тем, что Христос умер за нас, а тем, что Он воскрес, смертию смерть поправ. Это оказывается важнее.

И это отразилось в богослужебном наследии православного Востока. Здесь теме воскресения Христа явно отдано предпочтение перед темой страстей, хотя обе темы никогда не разрываются и не отделяются одна от другой.

Конечно, наше богослужебное наследие отразило сознание песнописцев, гимнографов, а не наличного большинства молящихся. Но именно принятие этими молящимися, то есть, по сути, всей Церковью, наследия этих песнописцев, - а это тоже свершившийся факт, - позволяет нам говорить, что и вся восточная Церковь ставит воскресение Христа во главу угла. И именно в центральном вопросе нашего искупления и оправдания перед Богом.

После этого дело остается за малым. Каждому православному необходимо полюбить это богослужебное наследие, свое наследие! Не чужое. Необходимо его знать, любить, дышать им. Узнать, полюбить, начать питать им душу свою. Слова эти звучат достаточно банально, казалось бы, так и должно было бы быть, но увы, на самом деле мы плохо знаем свое богослужение вообще, и воскресное в частности. Здесь есть много над чем потрудиться, но это уже тема другого разговора.